

WARHAMMER 40,000

In the grim darkness of the far future there is only war

(Warhammer 40.000). Небо цвета стали.

Глава 1.

Пролог.

Он любил огонь. Огонь... Стихия боли и очищения, стихия ярости и войны. Все началось в огне и закончится тоже в нем.

О, это пламя... В танце кровавого огня Дразнихт мог видеть свою душу, такую же бушующую и жаждущую уничтожать все вокруг.

Он снял шлем, украшенный узорами Хаоса, и вдохнул дразнящий воздух этого места. Сквозь запах дыма, поднимающегося от опаленной травы, и резкой вони приземлившегося на Серую Пустошь корабля пробивался аромат дремучего леса и реки. Обычный человек не учуял бы этого сквозь отвратительный запах металла, пропитанного варпом, но Дразнихт и не был обычным человеком. Третий глаз у него во лбу, позволяющий видеть вещи, недоступные простому смертному, наглядно подтверждал это.

К месту посадки уже спешил десяток дикарей, держащих в руках грубое огнестрельное оружие и лазерные ружья – их приземление не осталось незамеченным. Увидев Дразнихта, они остановились в нерешительности, но их вожак, человек в белой шкуре неизвестного зверя, что-то грубо прокаркал на своем языке, потрясая примитивным цепным мечом, и аборигены кинулись в атаку. Они, похоже, еще не поняли, с кем имеют дело. Что ж, нужно преподать им урок.

Из корабля на звук вышло несколько Избранных, и Дразнихт подал им знак не вмешиваться. Воины разочарованно кивнули - они тоже были не прочь поразвлечься.

Чемпион Хаоса, раскручивая над головой свою силовую булаву, ринулся навстречу несчастным дикарям, начавших замедлять свой бег – вид разъяренного воителя тьмы кого угодно выведет из душевного равновесия.

Подобно кроваво-красной молнии Дразнихт врезался во врагов, расшвыряв их в разные стороны. Вожак, лишившийся правой руки и доброй части плеча, каким-то чудом попытался подняться – видимо, он еще не понял, что уже мертв. Выстрелом из болт-пистолета он прервал его мучения.

Избранные подошли к Дразнихту, сжимая в руках демонические болтеры, это легендарное оружие космодесантников Хаоса. Металл оброс пупырчатыми щупальцами, а с корпуса взирали в пустоту широко распахнутые лиловые глаза с вертикальными зрачками. Каков хозяин, таково и оружие.

- Командир, - прогудел один из бойцов через встроенный в рогатый шлем вокс, - Впереди форпост дикарей, и они забили тревогу. Что прикажете?

- Уничтожить, - прошипел Дразнихт, перезаряжая болт-пистолет. Была у него такая привычка – всегда держать магазин оружия полным. Один раз для победы ему не хватило одного-единственного патрона, и он навсегда запомнил этот случай.

- Слышали? Выдвигаемся! – сообщил по воксу Избранный своим товарищам, оставшимся в корабле, и наружу, хохоча, повалили нечестивые изменники Хаоса. Вся жизнь для них вообще была непрерывным развлечением, а собственная смерть – приятным приключением. Никто из них не боялся умереть. Это были настоящие берсерки, носящие проклятие Кровавого Бога – в ушах хаоситов каждую секунду, непрерывно звучали голоса их прошлых жертв, и чтобы заглушить этот призрачный шепот, члены ордена Багровой Резни были вынуждены убивать снова и снова.

Дразнихт шел впереди, высматривая противника. Птицы и звери смолкали и прятались, заведя войско Хаоса, а солнце, казалось, избегало касаться древних воинов своими лучами. Земля возмущенно трепетала под ногами проклятых, а ветер с яростью набрасывался на солдат Чемпиона, пытаясь прогнать их, остановить. Но какое дело было кхорнитам до всего этого? У них была цель, самая приятная цель на свете – убить всех этих людишек, суетившихся на стенах укреплений, и ничто другое не имело значения.

Заговорила артиллерия, и первый же залп пришелся мимо. Снаряды рвались совсем рядом, не задевая Избранных, и они смеялись, приветствуя битву. Сама смерть благоволила им сегодня, как и всегда.

- Огонь! – крикнул Дразнихт, и вскинул болт-пистолет. Даже с такого расстояния он разил без промаха. Застучали болтеры, разрушая ветхие деревянные укрепления и рождая ревущее пламя, с яростью накидывающееся на близлежащие постройки. Одна из стен не выдержала и рассыпалась на отдельные бревна, погребая под собой десятки людей. В стане кочевников началась паника, и Избранные достали силовые топоры и бросились в рукопашную, проливая реки восхитительной людской крови... Дразнихт находился в самой гуще сражения, пользуясь и булавой, и болт-пистолетом – он любил комбинировать стили боя.

Всё это продолжалось недолго – вскоре одна часть кочевников была безжалостно перебита, а другая обратилась в позорное бегство.

Дразнихт ходил по дымящемуся полю боя и добивал раненых, некоторые из которых еще пытались куда-то ползти, когда до него дошло сообщение о том, что проклятые Астартес тоже будут на этой планете с часу на час – корабельные системы засекли приближающийся имперский крейсер, уже вышедший из варпа. Видимо, информация, заставившая Дразнихта покинуть Око Ужаса и отправиться на Серую Пустошь, одновременно дошла и до врагов, которые решили побороться за этот мир. Что ж. Пусть начнется потеха. Дразнихт никогда не был против хорошей битвы. А Астартес, при всей ненависти Чемпиона к ним, были достойными противниками. Весьма достойными.

Отзвуки Бури

..- Это, мать твою, калашников, оружие-легенда!

Линд сидел на шатком стуле, сваренном из отрезков алюминиевых труб, и, высунув язык от напряжения, наносил на ствол стаббера гравировку.

- Оно хоть стреляет, твое легендарное оружие?- Каинвуд со вздохом пододвинулся к односельчанину и наклонился, рассматривая стаббер. Линд прикинулся оскорбленным.

- Еще бы! У этого парня славная история, - он с нежностью матери, держащей на руках новорожденное чадо, погладил автомат. –И если бы не он, то сожрали бы меня острокрылы, и не подавились бы.

- Еще скажи, что его создали на Терре сорок тысяч лет назад. – Каинвуд наконец увидел то, над чем трудился Линд,- надпись с завитушками весьма экспрессивного содержания: « На погибель сукинсына...»Он улыбнулся и посмотрел наверх, где через дыру в брезенте пробивались тусклые лучи холодного солнца.

- Нет, но конструкции примерно столько, сколько ты и сказал.

- Да ну? И откуда такие сведения?

Линд закончил букву «М» и отдалил стаббер от себя, любуясь результатом своей работы.

- Из легенд и...

- И сказок? Найди другого олуха, чтобы пичкать его второсортными байками.

Технарь обиженно засопел.

- Байки, говоришь? Хорошо, будут тебе факты. Знаешь, что на соседней планете объявился Дразнихт со своими прихвостнями?

Каинвуд поперхнулся.

-Что?

-Подслушал разговор эскорта техножрецов, когда те пытались наладить ту странную штуковину из Археотеха, что старый Эл нашел в лесу. Сами-то жрецы тренькают на бинарном коде, а вот их помощники... Да и не особо они таились. В общем, вояки спорили о том, что Дразнихту было

нужно на Колосе. Планетка аграрная, тактической и какой-либо другой ценности практически не имеет...

- Ну и до чего они дошли своим напичканным железяками умом?

- Техножрецы думают, что воин Хаоса что-то искал. Артефакты.

- Вроде того, что обнаружил Эл?

- Да. У Колоса, да как и у нашей планеты, древняя история. Может быть, наши предки и придумали там что-нибудь мегаохрнительное. А потом, во время одной из своих войн, попросту потеряли.

- А Дразнихт, значит, по наущению самого Лорда Хаоса, отправился это искать, попутно выжигая все на своем пути потехи ради.

- Возможно.

Они задумались. Ветер, несший аромат разогретого металла, лениво играл с покрытием навеса. Солнце затагнули свинцовые тучи.

- Будет буря,- задумчиво сказал Линд. Каинвуд посмотрел на тоскливое небо.

- Возможно. Давай собирать, что ли?

- Давай.

Они упаковали плазморезак и остальное оборудование, после чего, поднапрягшись, понесли это все в ангар. Погода стремительно портилась. Вдали, за Бугром, сияли огни деревни.

В ангаре было неестественно тихо, пахло пылью и машинным маслом. Посередине зала мирно ржавел помятый «Леман Русс» со снятыми оружейными башнями, реликт того времени, когда здесь велись бои с настырными орками, который стал символом Забугорья, населенного пункта на границе с Дикими землями, кишущими острокрылами, человеколовками и прочей пакостью.

- Беспokoюсь я за семью,- внезапно сказал Линд, оттирая руки от смазки. Каинвуд подошел к столу, стоящему в углу, и заварил чай, который, кстати, выращивали на Колосе. Теперь там, наверное, сущий ад. Дразнихт там камня на камне не оставит... Если ему не помешает Имперская Гвардия.

- Почему?

- Настали беспокойные времена. Снова орки пошаливают, теперь вот Дразнихт, будь проклято его имя, объявился. Совсем рядом. А здесь - один космопорт на всю планету. И, чтобы улететь, нужно иметь пропуск 7-го уровня. Где я Элизе и детям такой достану? А ведь давно пора перебраться в другой мир, к более достойной жизни. Они это заслужили.

- Ага, на Терру, - невесело усмехнулся Каинвуд, наливая в железные кружки ароматный напиток, запахом напоминающий ему о чем-то необузданном, светлом... Недостижимо далеком. – Вот, держи.

Линд с благодарностью принял чай и, подув на горячую жидкость, продолжил:

- Вроде бы Сеймус обещал что-нибудь придумать. С пропуском. Хочешь полететь с нами?

- А куда лететь то?- Каинвуд отхлебнул из кружки. -Эх, люблю обжигающий чай, ох как люблю... Ну так вот. Нет мира среди звезд. Есть только смерть и хохот жаждущих крови богов... Мда.

-Откуда?- в глазах техника засветилось любопытство. Линд всегда был равнодушен к литературе... Да вот только в Забугорье любая книга - большая редкость. У Каинвуда в детстве, помнится, была одна. Про Императора и верных его слуг. Разная героическая муть, бла-бла-бла. А ведь тогда он все принимал за чистую монету, боготворил героев, описанных на ветхих страницах, и ненавидел Хоруса.

В четырнадцать лет он сменял эту книгу у бродячего торговца на потрепанный лазган, чтобы охотиться. Старикашка, помнится, был от нее в восторге. У Каинвуда до сих пор осталось чувство, что он тогда продешевил.

- Уже не вспомнить. В юности моей босоногой была некая сказочка... Эпос. С великими воинами прошлого и их ужасными соперниками.

-Ну надо же, -восхищенно покачал головой Линд. –Спрашивать, сохранилась ли она до сих пор, смысла не имеет, верно?

-В точку.

Некоторое время они просто сидели, пили чай и слушали, как барабанит по крыше ангара дождь, наслаждаясь минутами тишины и покоя.

- Грядет буря,- повторил тоскливо Линд. – А я совсем не могу ничего сделать, чтобы обезопасить семью.

- А как же Сеймус с поддельным пропуском?

- Самообман. Никуда мы не улетим. Эта земля нас крепко держит.

- Если держит – значит, зачем-то ей нужны.

- Если бы все было так просто, -пробормотал Линд, катая пустую кружку в ладонях- Лайла, и вышел я под звездный дождь... Сверкают луны надо мною... Как там дальше?

- Я будто бы небесный вождь, и биться я готов с судьбою... Старая добрая песня,- вздохнул Каинвуд.

Гремел гром, шелестел немой ливень, все пытающийся им что-то сказать, донести некую великую тайну.

Глава 2. Буря приближается.

Погода все портилась. Линд все зевал и будто бы сквозь сон занимался своими обычными обязанностями – ремонтом и починкой агрооборудования и домашней техники. Каинвуд всей кожей чувствовал все нарастающее напряжение, висящее в воздухе.

Вчера утром имперский челнок наконец стартовал с Серой Пустоши, к ждущему на орбите крейсера, неся на своем борту лесную находку Эла - непонятную серебристую машину со множеством обвисших щупалец. Фермер утверждал, что штуковина пыталась схватить его ими. Ему никто не поверил. А вот техножрецы сразу потребовали себе вооруженный эскорт для экспедиции к артефакту. Ну и правильно. Осторожность никогда не помешает, особенно когда имеешь дело с предметами Археотеха. Кто знает, что взбрело в голову их давно почившим создателям и чем они напичкали свои детища.

Гул от огромной взлетающей машины был отчетливо слышен даже в Забугорье. Слушая отголоски рева мощных двигателей, Каинвуд не в первый раз подумал, что корабль здесь был ох как не зря и что артефакт – лишь предлог для того, чтобы посетить их отсталую планету, к тому же находящуюся в отдалении от транспортных путей Империиума. В самом деле, стоило ли жечь топливо, летя в такую даль только ради огромного каплевидного куска блестящего металла, который мог оказаться никому не нужным хламом? Да, артефакты находили очень редко, но все же...

Все же визит крейсера «Черная Роза» был неспроста.

Вечером того же дня по пикткастеру выступил арбитр Серой Пустоши Переяслав Рамос. Его речь была полна скучной имперской пропаганды и вызвала у Каинвуда лишь настойчивое желание прикорнуть в кресле. Лишь под конец слова поборника закона заставили техника встрепенуться и податься вперед:

- ...И поэтому, укрепив все наши связи, став единым монолитом воли и силы, мы должны быть готовы. Готовы ко всему. Да-да, враг подошел совсем близко. Но это не должно пугать нас, верных граждан Империиума. С нами - благословление Золотого Трона, и мы выстоим или достойно умрем со славой Императора на устах. Я все сказал.

Дальше заиграл какой-то бравурный марш, показали отрывки из кинохроник про борьбу поселенцев Серой Пустоши с орками... Каинвуд хлопнул в ладоши, выключая пикткастер, и, откинувшись в кресле, задумался.

К нему подошел Глор, уродливая пародия на кота с костяным гребнем вдоль спины и разноцветной, торчащей во все стороны шерстью. Подошел и стал тереться о ноги, нагло требуя жратвы.

-Уйди, - буркнул Каинвуд, подперев рукой подбородок и уставившись взглядом в стену, на которой матово блестел маленький черный экран, - Не до тебя теперь.

Он представил могильную тишину, царящую сейчас в домах, угрюмое недоумение на лицах мужчин, медленно проступающий ужас на лицах их жен и непонимающее выражение на мордашках жмущихся к материнской юбке чумазных детей.

Только что была официально объявлена война.

Раз, два, три, четыре, пять, снова будут убивать.

Детская считалочка. Просто детская считалочка.

Каков должен быть мир, чтобы дети, готовясь играть в прятки, произносили такое?

* * *

- Папа, что случилось? Папа?..

- Ничего, Каин. Папа просто отправится проучить глупых орков, ничего страшного, вот увидишь... Я вернусь, обязательно вернусь. Ты только жди меня...

Но маленький Каин видел ужас в его глазах.

* * *

- Каин? Каин? Вставай, Хорус побери твою задницу!

-Линд? Что такое? О, как голова болит...

Каинвуд отпихнул недовольно взвизгнувшего Глора в сторону и сфокусировал взгляд на друге.

- Неудивительно. После такого-то...

Линд пнул ногой пустые бутылки, с печальным звоном покотившиеся куда-то под тахту, на которой почивал Каинвуд.

- Так в чем дело? И как ты вошел?

Он сел на кровати, поморщился и стал натягивать носки. Правый никак не хотел надеваться. С некоторым запозданием Каинвуд сообразил, что это его рабочая рукавица.

- Ты не запер дверь. Весьма опрометчиво - ведь живешь на отшибе ... Одевайся. По пикткастеру всем было объявлено собраться на площади.

- Зачем?

Сонные мозги никак не хотели работать, и сейчас у Глора были весьма большие шансы обогнать Каинвуда в состязаниях по интеллекту.

- Как зачем?- в зеленых глазах Линда промелькнуло удивление. – Объявят о мобилизации, конечно.

- Зараза,- он снова поморщился и потянулся за одеждой, сложенной на табурете. Дом у него был маленький, в три отсека: зал-гостиная-спальня, ванная да крошечная кухня. Из техники – пикткастер, холодильник, чайник да старенький многофункциональный блок Эм-55 (Аббревиатура Эм-55 была выигравирована на побитом корпусе). Вообще-то это был то ли брошенный, то ли потерянный кем-то, лишенный тела в привычном понимании этого слова сервитор, выглядевший как здоровенный металлический ящик. Каинвуд, найдя его среди обломков на старом поле брани, кое-как наладил его. Иногда он размышлял- а чей угнетенный, переделанный разум был заточен в железную оболочку, и от души сочувствовал бедняге, вечно зависающему и разговаривающему из-за неполадки динамика прокурненным голосом хронического алкоголика. Он как-то пытался его починить, но без особого успеха. Нет нужных запчастей.

-Хватит дрыхнуть, шельма,- проскрипел Эм-55 .-Пора за работу.

-Сам настроил?- спросил позабавленный Линд. Каинвуд хмуро посмотрел на него.

- Да. Ввел в него кучу приветствий, и он каждое утро выбирает их в случайном порядке. А может, и не в случайном - кто знает, что творится в мозгах этой железки. Порой мне кажется, что она одушевлена.

Он оделся. Линд в это время рассматривал висящий на стене плакат с изображением бравого Имперского офицера, держащего в одной руке болтер, а в другой – цепной меч.

- Знаешь, если б у меня была такая рожа, как у него, то я бы удавился,- заметил он. Художник и впрямь перестарался с выражением суровости на лице бойца. – С таким лицом только новорожденных гроксов топить в ведерке с кислотой.

- Шутливое у тебя настроение. Мне бы так, - Каинвуд вышел на крыльцо. Линд последовал за ним.

- А что ты предлагаешь? – внезапно разозлился он. – Юмор – естественная защита от стресса. А я не хочу раньше времени чокнуться. По-твоему, лучше напиться в одиночестве, как ты и сделал, предаваясь мрачным раздумьям о том, что все мы можем покинуть этот бранный мир хоть на этой самой неделе?

- Возможно, ты прав. – Каинвуд стер с носа дождевую каплю и, посмотрев на небо, накинул капюшон. – Как твой?

Линд помрачнел еще сильнее.

- Разумеется, они волнуются. Но я почти убедил их в том, что вернусь домой со щитом, а не на щите... Древняя поговорка, - пояснил он, видя недоумение на лице односельчанина.

- Значит, Дразнихт все же добрался до нас. Интересно, и что ему здесь нужно?

- Видимо, то, что искал на Колосе, он не обнаружил. Решил сменить место поиска.

Они стояли под пронизывающим дождем, сунув руки в карманы, и смотрели вперед, где за приземистыми домами деревни высился шпиль Капеллы, хищной иглой вонзающийся в небо.

- Меня тревожит одно, - сказал Каинвуд.

- И что же?

- От Колоса до Серой Пустоши – меньше дня пути. Корабли хаосистов могут быть уже на подходе.

- Или уже здесь, - прошептал Линд, и в глазах его мелькнул страх.

Глава 3. Буря начинается.

На площади собралось почти все население Забугорья – за исключением тех, кто был слишком стар, или болен, или остался сидеть с детьми. То есть около тысячи человек. Дул ледяной, пронизывающий ветер, недвусмысленно намекающий о том, что сезон лета кончился.

Каинвуд стоял в толпе рядом с тощим фермером, чье лицо было обильно «украшено» рытвинами оспы, и хмуро взирал на высокого клирика, стоящего на помосте, рядом с незаметным человеком в сером плаще и капюшоне, держащем в руке холщовый мешок. Позади этой пары чуть светился

огромный экран, а еще дальше мрачно выростал из земли готический храм Эклезиархии, мрачное величие которого вселяло в душу тревогу. Каинвуда никогда не привлекала религия Империи, но виду он не показывал. Иначе его могли счесть еретиком и просто сжечь. Или отдать под пытки в руки палача, дабы заставить отречься от Темных богов, а потом все равно сжечь.

Он искал среди встревоженных, напуганных людей Линда. Тот стоял, держа на руках Эсси, свою младшую дочь, и не отрывал взгляда от металлического помоста. Рядом с ним находились его сыновья и Элиза, прильнувшая к плечу мужа. Каинвуд отвернулся. Что-то больно кольнуло его сердце, за последние годы ставшее, как он думал, осколком льда.

- И так, - проговорил в вокс клирик, а затем неуверенно оглянулся на человека в сером. Тот незаметно кивнул. Кто он, черт возьми?

- И так, - окрепшим звучным голосом проговорил священнослужитель, - Сегодня мы собрались здесь, чтобы выслушать вести. Тревожные вести. И принять меры.

По толпе прокатился шепот. Долговязый клирик обвел всех пристальным взглядом, и продолжил, возвысив голос:

- Негодяи, служители нечестивых богов Хаоса и разврата, вторглись на нашу землю. Вторглись без предупреждения, вторглись жестоко и нагло, пронеслись огненным вихрем, сеющим смерть и разрушение. Это произошло сегодня ночью.

Оратор сделал паузу, давая людям осмыслить услышанное. Гул возмущенных голосов стал громче. Каинвуд отрешенно и с тоской подумал: «Понеслась...»

Тем временем на экране за спинами стоящих на возвышении людей вспыхнули картины насилия, гибели и бесчинств, творимых адептами Хаоса. Каинвуд видел, как человек в стальной маске с прорезями в виде звезды поливал из огнемета связанных друг с другом людей. Там были дети...

Он сглотнул. Служитель Его-На-Земле продолжал говорить:

- Все видео и фотографии сделаны нашими сервочерепами-разведчиками. Также нам удалось узнать, что командует войсками зла отверженный космодесантник, известный как Дразнихт. На его счету – тысячи невинных, зверски замученных жертв. Мы не можем допустить, чтобы силы Хаоса свободно разгуливали по нашей земле. Именно потому, что это *наш* край, край наших предков и наших детей.

Люди угрюмо молчали, подавленные отчасти страшными картинами разрушения, отчасти осознанием того, что их вот-вот отправят на фронт, в кровавую мясорубку, из которой нет спасения.

- Наши враги – это сущие чудовища, исчадие ада. Они должны быть уничтожены. И вен, покажите им.

Человек в сером плаще выступил вперед и медленно извлек из мешка *нечто*. Вздох ужаса завис в воздухе. Каинвуд прищурился, пытаясь разглядеть предмет в руке незнакомца, который он поднял над собой, показывая всем собравшимся. Он никогда не отличался хорошим зрением. Нечто рогатое, алое...

Отрубленная голова.

Откуда-то из-под помоста с легким жужжанием взлетел сервочереп, поблескивая хромированной сталью в лучах холодного солнца, и завис перед держащим трофей человеком. На экране появилось огромное изображение верхней части незнакомца. Его лицо, полускрытое низко надвинутым капюшоном, кривила жуткая усмешка.

Так могла бы улыбаться война, будь у нее лик.

Теперь все могли рассмотреть то, что держал за рог молчаливый человек в сером. Это был устрашающего вида шлем, напоминающий лик чудовища. Зубы открытой пасти сверкали желтоватым металлом, навеки погасшие глазницы мрачно темнели, источая почти осязаемую тьму.

Капля вязкой темной крови отделилась от шлема и упала вниз.

- Вот наш враг, - удовлетворенно сказал клирик. – Как видите, и его можно сразить. Ивен, сержант тактического подразделения Темных Ангелов, доказал это, снеся цепным мечом голову поганого монстра.

Снова шепот. Толпа затаилась и втихомолку переваривала услышанное. Темные Ангелы? Здесь? «Похоже, заварушка намечается неслабая, - подумал техник. – Вот зачем на самом деле прилетал крейсер – чтобы высадить десант». Как ни странно, он почувствовал облегчение. Астартес здесь. Нас не бросили. О нас помнят.

- Если их не остановить, то скоро они будут здесь.

На экране – хаосист, расстреливающий из болт-пистолета белокурую девушку.

- И такая судьба может постигнуть и ваших родных. Поэтому вступить с Хаосом в бой – наш долг. И святая обязанность перед Императором. Набор в армию будет производиться с 12.00 по местному времени сегодняшнего дня. Каждый житель Забугорья мужского пола, достигший совершеннолетия и не вступивший в пятидесятилетний возраст, обязан пройти медкомиссию в специальных пунктах, где вас осмотрят имперские медики и решат, способны ли вы с оружием в руках защищать честь Золотого Трона и свой дом, свой очаг. Уклонение...

Ивен снял с пояса вокс и тихо сказал в него, усмехаясь:

-... Карается расстрелом. Желаю вам удачи в грядущих боях... Как воин воину.

Тишина.

Да, отныне вы воины! – внезапно рявкнул сержант, спрыгивая с помоста (сервочереп последовал за ним, продолжая транслировать изображение на экран) и отбрасывая голову хаосиста в сторону. – Скажи мне, кто ты?!

Он ткнул пальцем в стоящего рядом паренька, сына Эла. Каинвуд не мог винить его за то, что он отшатнулся на добрых несколько шагов.

- Воин... сэр? – проявил сообразительность он. Боец рассмеялся счастливым, абсолютно безумным смехом, и у техника мороз прошел по коже.

- Так точно. Вместе мы им покажем! Вместе мы сотрем их в порошок, аннигилируем, распылим на атомы. О, что мы с ними сделаем...-он снова понизил голос .– Око за око, кровь за кровь! Мы научим их... СТРАДАТЬ!

Несколько человек, вдохновленных его незамысловатой, но от этого не менее грозной речью, подхватили его слова. И вот уже многорукое и многоногое чудовище ревет, скандируя свою угрозу, обращенную к пришельцам:

- МЫ НАУЧИМ ИХ СТРАДАТЬ! МЫ НАУЧИМ ИХ СТРАДАТЬ!..

Каинвуд стоял потерянно среди безумствующих людей, вложивших в этот всплеск агрессии и ненависти весь страх и все напряжение прошлых дней. Стоял и смотрел на Ивена. Он снова улыбался зловещей улыбкой смерти.

Война началась.

Глава 4. Между прошлым и будущим.

- У тебя нос слишком здоровый, шлем не налезет, - врач в белом халате огорченно зацокал языком. – Боюсь, ты нам не подходишь.

- Что, правда? – обрадовался обладатель колоритной внешности. Медик довольно заржал.

- Купился, что ли? Конечно, подойдешь. Все подойдут. В расход-то...

Видя, как побледнел его «пациент», да и все стоящие за ним поселяне, врач разбойничьей внешности (особенно выделялась здоровенная квадратная челюсть), снова засмеялся.

- Да шучу я, шучу... - сказал он, но тут же не удержался от соблазна и добавил, подмигнув:– Может, кто и выживет.

- Хватит болтать, Эрнесто, - рявкнул другой сотрудник имперского здравоохранения, сидящий за когитатором с эмблемой Офицео Медикэ-Кадущей. – Шансы выжить в реальном бою – пятьдесят на пятьдесят...

Каинвуд знал, что это ложь, и что врач сказал это, только чтобы ободрить выстроившихся в очередь «воинов». Его отец, вернувшийся с войны без обеих ног, рассказывал о сражениях разные вещи. Страшные вещи.

Эрнесто со скучающим видом изучил показания своего диагностического прибора и сказал:

- Абсолютно здоров. Язва в желудке и искривление позвоночника не считается...

Ответ явно огорчил мужчину. Дрожащим голосом он спросил:

- Я принят?

- Да, дубина! – воскликнул врач, и кровожадно заметил: Хотя нос я все же бы подровнял...

И достал из какого-то отсека устрашающего вида резак. «Пациент» отшатнулся, за что заслужил довольный гогот медика.

Шутник.

На руку носатого – штамп.

- Следующий, - проговорил, отсмеявшись, Эрнесто. – Надеюсь, здесь не у всех такие носы, а то придется шлемы перекраивать, в самом деле. Или ваши лица.

Они находились в освещенном мягким белым светом салоне передвижного медицинского центра. В конце его был стол и вышеупомянутый терминал, за которым корпел врач, занося в базу данных каждого обследованного поселянина. Посередине же из пола выдвигался стул, на котором восседал так любящий юмор Эрнесто с универсальным генным сканером в руках, позволяющим определить семьдесят процентов всех болезней и патологий.

К нему и подошел Каинвуд, пристально глядя в глаза человеку в белом. Тот как-то стусевался и спросил:

- Имя?

- Каинвуд Персиваль Доуэлл, 410-07.

Врач за вычислительной машиной старательно записал его имя.

- Хорошо. Ровно становись. Вот так...

Эрнесто обвел техника сканером с ног до головы. Сигнал, пауза. Щелканье клавиатуры терминала.

Интересно, как же в когитатор передавались результаты исследования? Как техника, Каинвуда заинтриговал этот вопрос.

- Здоров.

Эрнесто взял машинку для постановки штампов – маленький серебристый цилиндр – и, грубо закатав рукав его одежды, прислонил аппарат к руке Каинвуда. Едва ощутимое покалывание на уровне запястья, легкое шипение – и вот на бледной коже расцветает угрожающая цифра 1 – «Годен». Цифрой «два» клеймили тех, кто по состоянию здоровья воевать не мог. Таких во всей очереди (перед Каинвудом прошло около сотни человек) сыскалось всего несколько человек – юноша с врожденным пороком сердца, мужчина без правой руки и еще кто-то, кого Каинвуд, пребывающий в глубоких раздумьях, не запомнил. Остальных, видимо, сочли пригодными для участия в мясорубке.

Как утверждали врачи, татуировка должна была без следа исчезнуть через месяц. Бросая взгляд на уродливую отметину, Каинвуд очень на это надеялся – всю жизнь ходить с клеймом ему как-то не улыбалось. Хотя... В конце концов, они все здесь рабы. Рабы Императора, рабы режима, рабы этого беспощадного времени.

«Да я прямо мятежник», мысленно усмехнулся он, выходя из машины. Снаружи пункт проведения медосмотра выглядел как обтекаемой формы шестиколесный транспорт серебряного цвета с имперским орлом на корпусе. К нему выстроилась длинная очередь, конца которой не было видно.

Рядом потерянно бродил Инг, паренек лет двадцати, страдающий синдромом Дауна. Каинвуду всегда было интересно, кто же придумывал болезням названия. Говорили, что некоторым из медицинских терминов столько лет, что и не сосчитать.

Инга здесь любили и всячески помогали ему. Еще бы, человек, не подверженный черному дыханию ненависти! Большой грустный ребенок, он стоял и смотрел на имперский транспорт, равнодушно глотающий и выплевывающий людей. Каинвуд подошел к нему и поинтересовался:

- Кого-то ждешь?

Инг повернулся к нему. Чуть раскосые глаза печально посмотрели на него из-под слегка опущенных век.

- Почему мне нельзя пойти с ними? – спросил он, показывая цифру «два» на запястье.

Каинвуд не знал, как ответить на его вопрос.

- Это потому, что я болен?

- Вроде того.

- Я боюсь оставлять их одних.

-«Их»- это кого, Инг?

Паренек показал на нескончаемую вереницу рекрутов.

- Тех, кому на руку поставят единицу.

- Почему боишься?

- А вдруг без меня с ними случится что-то плохое?

Холод коснулся сердца Каинвуда. Он похлопал Инга по плечу и сказал успокаивающе:

- Не волнуйся. Все будет в порядке.

О, как бы он сам хотел в это верить! Ему не давала покоя мысль, что почти все, кого он видит, будут мертвы в самое ближайшее время.

А может, и он сам.

Почему-то это его совсем не тревожило. Каинвуд отошел от Инга и отправился прочь от площади. Им дали три часа, чтобы попрощаться с родными.

Что он и решил сделать.

Мимо, как в полусне, проплывали одинаковые блоки домов с закругленными углами, сновали встревоженные люди, распространяя смятение. Сам Каинвуд был безмятежен, словно уже не принадлежал этому миру.

Он не шел прощаться с живыми – он шел прощаться с мертвыми.

* * *

- Наверное, я больше сюда не вернусь, - прошептал Каинвуд. Тишина, только шелест листьев над головой. На кладбище царил покой и умиротворение. Почти идиллия. Здесь он наконец-то мог привести в порядок мысли и побыть с семьей.

Его взору предстали пять аккуратных могил, расположенные в ряд. На каждой – каменная плита без затей и пять дорогих сердцу имен. Любимые люди, которых не стало...

- Может быть, скоро я с вами встречусь. Вы ждете меня?

Каинвуд стоял на коленях и смотрел на место последнего упокоения родителей, жены и двух его дочерей, Элли и Изабелль. Их жизни унес мор шесть лет назад.

Он тоже хотел умереть. Сволочь Линд не дал ему это сделать, протянув руку помощи в самый ненужный момент... И вот Каинвуд здесь, разговаривает сам с собой.

- Я всегда размышлял об этом. Если *там* хорошо, если *там* нет страха, боли и ненависти, то вы должны с нетерпением ожидать, когда же я, глупый, сброшу оковы этой долбаной жизни.

- Нет. Они хотят, чтобы ты жил.

Линд. Каинвуд повернул голову и увидел друга, прислонившегося к могучему стволу дерева каен, считавшегося в Серой Пустоши символом возрождения. На руке его виднелась чернильно-черная цифра один.

- Давно ты здесь?

- Да нет. Пришел с отцом повидаться, увидел тебя. Знаешь, осталось два часа...

- Знаю.

- Предпочитаешь провести их с мертвыми?

Каинвуд не ответил. Он прикрыл глаза и легонько поглаживал чуть шероховатый камень плит, под которыми лежала его семья.

- Заходи к нам. Элиза будет тебе рада.

- Думаешь?

- Ты почти как наш член семьи. Вроде моего брата. Да и с Винн она была дружна...

- Винн больше нет.

- Пока живы мы, жива и она. Мы, помнящие ее смех и переливы чудесного голоса.

- Идут годы, и память начинает мне изменять... Каждый день я смотрю на их фотографии. Боясь забыть. Сажу и вспоминаю каждый день, проведенный с ними. Представляешь?

Он невесело рассмеялся.

- Но, видимо, процесс забвения не остановить.

- Ты не прав. Невозможно забыть какую-то вещь совсем, навсегда.

- Хм...

Через некоторое время Каинвуд понял, что Линд ушел.

Находясь на границе между прошлым и будущим, на костях своих родных, он внезапно осознал, что жизнь еще не завершена. Что будут еще дни радости и смеха, и все еще можно поменять... Еще можно достичь света.

Нужно только выжить в этой войне.

Глава 5.Рожденные воевать.

Сцена прощания вышла очень трогательной. Младший сын Линда, крепкий бойкий мальчишка по имени Лео, вцепился в отца мертвой хваткой химеры и никак не хотел отпускать.

- Когда ты вернешься? – канючил он. Линд мягко, растерянно улыбался.

- Скоро, Лео, скоро, - сказал он. Элиза смахнула слезу. Она стояла, положив тонкие руки на плечи старшего сына, Ассира, который держал Эсси. Ему было почти пятнадцать. Это был высокий темноглазый молодой человек, унаследовавший от отца рост и телосложение, а от матери – аристократические черты лица. В отличие от брата, он держался спокойно и вместе с тем печально. Он понимал, что такое война.

Каинвуд вздохнул. Его не покидало чувство, что, исчезнув, он не оставит в мире никакого следа. Если у Линда были сыновья, дочь, то у него же не было ничего. Ничего и никого...

«Сам виноват, - прошептал голос подсознания. - Если бы ты не ушел в добровольную изоляцию, почти отказавшись от контактов с людьми, то мог бы встретить женщину, которую бы полюбил и которая родила бы тебе наследника. А что? Это вполне могло произойти... Но время ушло.»

- Отец, - серьезно сказал Ассир. Видно было, что он изо всех сил сдерживает непрошеные слезы. – Отец... Будь осторожен. Береги себя.

Ассир передал сестренку матери, и мужчины пожали друг другу руки, обнялись. Линд присел на корточки перед Лео и промолвил:

- Чего раскис, парень? Все будет хорошо, и ты это знаешь.

- А вдруг...

Он приложил палец к его губам.

- Никаких вдруг. Даю клятву, что вернусь.

Лицо Лео просветлело.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Теперь черед дошел до Эсси и Элизы. Линд коснулся губами лба дочери и что-то прошептал так тихо, что Каинвуд не расслышал. Женщина всхлипнула.

- Тише, тише, - проговорил он. – Твои слезы разрывают мне сердце. И помни... Я дал клятву.

Элиза кивнула. Линд нежно поцеловал жену, после чего подошел к другу.

- Пойдем? Транспортник ждет нас.

- Да. Сейчас.

Он пожал руку Ассиру и Лео, чуть поклонился Элизе так, как было принято в Забугорье кланяться женщинам (пережиток тех времен, когда в этих краях царил матриархат).

- Храни своих детей как зеницу ока, - прошептал Каинвуд. Малышка с любопытством смотрела на него разноцветными глазами – один был синим, другой зеленым. Отмеченный счастьем – так называли в Серой Пустоши таких детей.

Маленькая, глупенькая Эсси. Что будет с ней? Какая судьба ей уготована?

- Я вот не смог, - продолжил Каинвуд хрипло.

- В том, что произошло, не твоя вина, - сказала она. – Ты коришь себя лишь потому, что оправился от болезни, а они – нет. Это неправильно... Твоей вины здесь нет.

О, как давно он хотел услышать эти заветные слова! Они бальзамом пролились на душу, и старые раны, казалось, стали болеть меньше. Ненамного, но меньше.

- Прощайте, - сказал Каинвуд. За годы дружбы с Линдом эти люди стали ему второй семьей. – И позаботьтесь о Гроле. Он любит рыбные консервы.

- Хорошо, - кивнул Ассир. – До свидания.

Они развернулись спиной к маленькому дому и направились по дороге вперед, туда, где на площади их ждал конвой, охраняемый несколькими леман-руссами.

Заплакала Эсси, до сих пор молча взиравшая на сцену расставания. Видимо, поняла, что происходит что-то плохое. Детей не проведешь, они все чувствуют лучше, чем псайкеры. Вот только по мере их взросления этот дар пропадает, уходит в глубины сознания, чтобы дремать там до самой смерти. Каинвуд уже и не помнил, где он это слышал.

Линд споткнулся, остановился. Затем обернулся, какая-то внутренняя борьба отразилась на его лице. Наконец он крикнул:

- Я люблю вас! До свидания!

И решительно зашагал дальше, больше не оглядываясь.

...Надрывались динамики, расположенные на каждом столбе в Забугорье - всем призывникам требовалось немедленно занять свои места в транспортерах. Гудела в небе боевая техника, сверкая броней на неуместно радостном солнце. Спешили люди, плакали женщины и дети, слепые старики с бельмами на глазах, вслушиваясь в рев «Громовых ястребов» над головой, бормотали, что, дескать, наступил конец времен. Летела пыль, сильно пахло топливом.

«Все мы были рождены для войны, -подумал Каинвуд. – Только вот одни борются на поле брани, а другие проводят всю жизнь в молчаливых баталиях с самим собой. Что ж, отныне я принадлежу к первым. Да будет так».

И его охватило спокойствие.

Глава 6.Цена перемен.

В транспортере окон не было, что действовало на Каинвуда весьма угнетающе. Внутри было душно, пахло разогретым металлом, топливом и человеческим потом. Еще мешала постоянная немилосердная тряска. Хорошо хоть, что техник обладал хорошим, как только что выяснилось, вестибулярным аппаратом – тошноты он почти не испытывал. В отличие от многих других своих товарищей по несчастью.

В качестве сидений имелись длинные скамьи из композитного материала. Неярко горели тоскливые лампы, в свете которых лица новобранцев отливали нездоровой желтизной.

Кого-то неподалеку от Каинвуда вырвало прямо на ботинки сопровождающего, из-за тесноты машинной утробы вынужденного стоять впритык с рекрутами (а оставался на ногах он, держась одной рукой за железную скобу на потолке. Иначе бы, в условиях такой-то тряски, солдат давно оказался бы на полу).

- Ты что, совсем оборзел, отребье?! – солдата понесло. Бедолага промямлил что-то невразумительное, и пострадавший, размахнувшись уродливым с виду стаббером, приготовился обрушить на голову поселянина всю ярость Империи, но в этот момент транспортер особенно сильно тряхнуло, и гвардеец повалился на свою жертву, которая, в свою очередь, повалилась на другого, свалив того со скамьи и т.д. Началась свалка, постепенно переросшая в драку. Каинвуд прижался к стене, не желая участвовать в потасовке. Линд, бывший в этом же броневике, поступил точно так же.

Драка в движущемся, трясущемся транспорте – интересное зрелище. Люди поднимались со своих мест, и, неуклюже цепляясь за скобы, наносили такие же неуклюжие, но мощные удары. И снова дремавший в рекрутах страх перед будущим перерос в злобу.

«Мы заставим их страдать». Похоже, что им было все равно, кого избрать объектом своей ненависти.

Вот и теперь. Били в основном сопровождающего. Тот боролся молча, изредка выкрикивая грязные ругательства, и со вкусом. Его громадные кулаки крушили всех, кто находился рядом, и от драки он явно получал удовольствие. Но вот на него набросилось сразу несколько человек, и боец был повержен на землю. Его стали пинать ногами, не давая встать. К этому времени внимание всех переключилось на гвардейца. Люди решили, что избивать друг друга – не лучшая идея, и принялись за одного из тех, кто разлучил их с родными и отправил в неизвестность. Оружие из рук у него давно выбили, и он валялся под ногами сражающихся. Какой-то идиот

наклонился, чтобы поднять его. И что он собирался с ним делать?

Открылась дверь, ведущая в другой отсек транспортника, и оттуда вывалилось несколько гвардейцев в весьма дурном расположении духа. В сопровождении не менее мрачного комиссра.

Который тут же открыл огонь из болт-пистолета, предусмотрительно уже взятого в руку перед тем, как войти в помещение.

Масс-реактивные взрыватели, используемые в болтерных снарядах, взрывались не при соударении о цель, а уже проникнув в нее. Это знал Каинвуд как военный техник. На практике ему видеть действие знаменитого оружия имперских войск не приходилось.

А выглядело это ужасно.

Попали в того, кто подобрал болтер, и в кого-то еще.

Кровь несчастных обильно оросила потолок. На то, что осталось от развороченных взрывами тел, Каинвуд старался не смотреть.

- Так будет с каждым, - раздраженно сказал комиссар, обозревая замершую, напуганную толпу. Вид у него был такой, словно он только что отбил ладонь, прихлопывая муху. – Чего уставились? Нападение на солдата Астра Милитарум карается смертной казнью.

Да вот только на месте мухи оказались люди.

Вот она, имперская справедливость.

* * *

Выйдя из транспортника на волю, на свежий воздух, Каинвуд широко вздохнул и огляделся, рассматривая то место, в которое занесла его судьба. Это была довольно унылого вида армейская база. Тут и там, словно странные грибы, выростали из земли серые конусовидные постройки – казармы, оружейные склады, еще какие-то строения, назначение которых техник определить не смог. Их всех согнали на широкую, мощенную ровными каменными плитами из рокрита площадь, в центре которой высилась исполинская скульптура какого-то безликого героя одной из бесчисленных войн, сотрясавших Империиум. То были владения Адептус Астартес.

- Приветствуем всех в Кастро Экзерцитус №107, - проорал в вокс-кастер какой-то тип в мундире комиссара, стоявший на небольшом подиуме подле памятника так, чтобы выгружающимся из машин селянам было его хорошо видно. Его коротко стриженные белые волосы чуть шевелил меланхоличный ветер.

- Выглядит солидно, - прошептал неожиданно возникший рядом Линд. Каинвуд обеспокоенно посмотрел на закованных в темно-зеленую силовую броню Темных Ангелов, оцепивших площадь и бдительно наблюдающих за людьми, сжимая в руках болтеры и плазмаганы. Здесь, как он заметил, были не только жители Забугорья, так как людей было определено больше, чем те пятьсот-шестьсот человек, что на вербовали в поселке имперцы.

- Ты про базу или про того горластого парня? – поинтересовался он.

- И про седовласого, и про объект, - ответил Линд. – Ох, не нравится мне все это...

Офицер тем временем продолжал надрываться, и его голос эхом отдавался на площади:

- Здесь вас собрали затем, чтобы из дерьма, коим вы сейчас являетесь, вылепить настоящих бойцов, новых Воинов-Теней Серой Пустоши, достойных продолжателей дела Кеанра. Да-да, вы не ослышались! Именно вам выпала честь влиться в славные ряды имперской гвардии. Обычно, чтобы этого достичь, от претендента требуется многолетняя тренировка, ум и талант! Вы, не обладая ничем из вышеперечисленного, тем не менее удостоены права умереть во славу Императора как настоящие, истинные его солдаты!

Суровый воин прошлого, возвышаясь над многотысячной толпой, как-то задумчиво и печально оглядывал со стофутовой высоты притихших людей, связанных отныне одной судьбой – судьбой воина.

- Что у того Ивена, что у этого – одни и те же повадки, - усмехнулся Линд. – И склонность к пафосу...

- ... Но, проходя краткий курс подготовки в нашем военном центре, вы будете обязаны соблюдать обязательный свод правил, - седовласый остановился, чтобы перевести дух. В наступившей тишине было слышно, как ворочаются, взрыкивая, точно звери, дерущиеся за кость, какие-то огромные строительные механизмы вдали.

- Правило первое: всегда слушаться старшего по званию. Всегда, какими бы безумными ни казались его приказы. Если сказано, значит, так надо, и это не обсуждается. Ясно?

Возражений не последовало.

- Правило второе: никакого прошлого. Отныне вы - солдаты на службе Золотому Трону, и весь багаж воспоминаний, привычек и прочего дерьма прошу оставить за бортом.

- Интересно, почему здесь нет экрана для трансляции, как тогда в Забугорье, - пробормотал Линд. – Этот солдафон, надо признать, представляет сильное впечатление.

- Обычный самовлюбленный кретин, одурманенный вкусом войны, - сказал Каинвуд. Сосед справа нервно на него покосился, и он замолчал. Оратор у памятника продолжил:

- Правило третье: забыть о смерти. Теперь вы все - универсальные бойцы, а значит, должны быть неуязвимы для страха и сомнений. В мыслях преданного воина Императора нет места атавистической, примитивной боязни умереть. Напротив: смерть в бою – высшее благо... Помните об этом. Я – комиссар Эльхен. Доброго начала службы.

И их, под дулами болтеров, повели в казарму.

Смотря на вечеряющее небо, по которому уже крались осторожно сумерки, Каинвуд подумал, что в его жизни, да и как в жизни многих других, уныло бредущих с ним рядом, наступил переломный момент.

Это пугало... Но ведь он так долго всем сердцем ждал этого.

Он жаждал перемен, и вот они настали. Но какой ценой?

Глава 7. Живой холод оружия.

- Так, голодранцы, это болтер. Болтер, это голодранцы.

- Приятно познакомиться, - сострил какой-то шутник, и инструктор по стрельбе так на него посмотрел, что говоривший сразу сник. Раздались сдержанные смешки.

- Хорошо, сэр. Я понял, что шутить здесь можете только вы, - прошептал паренек, не удержавшись. Каинвуд улыбнулся и сосредоточил все внимание на офицере, что должен был дать им представление о том, как правильно убивать.

- Итак. Начнем с основ. Болтером называется полуавтоматическое оружие, стреляющее реактивными снарядами...

Перед ними на специальной панели вращался болтер красного-стального цвета с символическим золотым изображением меча на корпусе, угрожающе поблескивая в свете направленного на него мини-прожектора. Тут из стены выдвинулась еще одна плоскость. На ней покоились, видимо, боеприпасы к оружию, которые сразу же осветил еще один прожектор.

-... Очереди до четырех болтов. Стандартный магазин вмещает... Сколько? Кто знает?

Каинвуд, Линд и еще пара человек подняли руку ладонью вверх, как в школе. Эх, как давно было то время...

- Ты. Отвечай, - мужчина с длинным изогнутым шрамом на лице указал на Каинвуда. Он прочистил горло и четко выговорил:

- Тридцать патронов, сэр.

- Как ведет себя снаряд при выстреле?

- Болт при выстреле покидает ствол как пуля, но после включается маленький реактивный двигатель, несущий боеголовку к цели и придающий ей стабилизирующее вращение, - без запинки отпарировал Каинвуд. Пригодились знания военного техника.

- Продолжай, - благосклонно кивнул имперский офицер. – А вы, лоботрясы, слушайте.

- В обычном оружии, пуля теряет скорость сразу после выхода из канала ствола. Болт, однако, продолжает ускоряться по всей траектории благодаря двигателю.

Поселяне стояли, разинув рты.

- Виды наиболее часто используемых болтерных магазинов.

Каинвуд на секунду задумался, а затем проговорил:

- Серповидный, включает двадцать-тридцать патронов. Барабанный, сорок – шестьдесят, имеет склонность к заклиниванию. Прямой, 12-20, легко заряжается, и...

- ...И Duplus X – два серповидных, соединенных вместе. Достаточно. Достойный ответ. – офицер пристально посмотрел в глаза Каинвуду. Он стойко выдержал взгляд темных очей командира. – Старый род занятий?

- Техник, сэр, военный техник.

- Очень хорошо. Нам нужны специалисты... Так, дальше. Количество ВВ, требуемого для первой стадии выстрела, относительно мало. Это значит, что для стандартного 75 калибра отдача

незначительно по сравнению с обычным оружием того же калибра. К тому же отдача еще более уменьшается гладкоствольным дизайном болтера... Но не думайте, что каждому из вас достанется такая игрушка, - офицер постучал по болтану, - его еще нужно заслужить. Тем, кто в дальнейшем покажет высокие результаты по стрельбе, выдадут ее в награду. Те, кто предоставит низкие – получат лазганы.

Выдвинулась новая панелька с оружием серо-золотого цвета и имперским орлом.

- Однако не считайте, что это такое уж дрянное оружие. Просто его производить легче и дешевле. Из минусов – низкая эффективность против бронированных целей, тогда как болтер можно использовать даже для уничтожения легкой техники...

Удивительно. Обычно болтер и Гвардия – несовместимые вещи. По крайней мере, если гвардейцы не элита. Их же можно было назвать элитой с боольшой натяжкой.

Речь сержанта прервало появление в зале для стрельбищ Темного Ангела в балахоне, застегивающимся на серебряную пряжку в виде черепа. То, что это был не простой имперский гвардеец, становилось понятно от одного взгляда на мощную фигуру космодесантника и тяжелое, словно выточенное из камня лицо. Подсознание кричало – *это не простой человек*. Что-то было в его облике, что-то, что выдавало его истинную природу лучше необыкновенных физических данных, сразу бросающихся в глаза, и необычного одеяния.

Офицер с затаенной ненавистью взглянул на новоприбывшего и сказал:

- Приветствую вас, сэ. Что привело вас сюда?

- Пришел посмотреть на наших новичков, - с фальшивым дружелюбием сказал Темный Ангел. – Мне интересно, как проходит процесс обучения в регулярных имперских войсках.

Остаток лекции о вооружении космодесантник провел рядом с ними, скучающе оглядывая курсантов, потолок и презрительно рассматривая офицера, который уже пошел красными пятнами от злости. Каинвуд удивился. Ему как-то не доводилось слышать о том, что ордена космодесантников не любят имперскую гвардию, и что гвардейцы не жалуют генетически модифицированных солдат – ведь обычно на них чуть ли не молятся, ибо их создал сам Император!.. Теперь же он размышлял о причинах этой странной нелюбви.

Видно было, что Темный Ангел оказался здесь не по собственной инициативе, а по приказу кого-то вышестоящего из своего ордена. Скорее всего, его послали сюда узнать, насколько боеспособны новые рекруты.

Эта догадка нашла свое подтверждение, когда космодесантник изъявил желание остаться и на занятия по стрельбе.

Также Каинвуд услышал, как офицер, косясь на Темного Ангела, пробормотал нечто вроде: «нелюдь... и здесь...». Тот стоял довольно далеко, но все же как-то услышал.

- Вот как? Да... Я-то хоть нелюдь... - он задумался. Затем, шелестя своими длинными одеждами, повернулся к офицеру, замершему у стенда с оружием: - Благодаря таким нелюдям, как я, живы такие, как вы. Или ты думаешь, что Империи выдержал бы натиск ксеносов и хаоситов лишь благодаря человеческому обаянию своих солдат? Мы – Астартес, Ангелы Смерти... И, чтобы мы сражались лучше, поражали врагов безжалостнее и выживали там, где не уцелеет ни один

человек, наши тела улучшены, изменены по образу и подобию нашего великого Примарха – Лиона Эль Джонсона. Это не повод для ненависти... Равно как и для зависти.

Гвардеец, нахмурившись, посмотрел на Темного Ангела, после чего легко произнес, надев маску учтивости:

- Приношу свои извинения.

- Хорошо, - осклабился боец, - Но учти - в следующий раз за такие слова я здорово надеру тебе задницу. Ибо сегодня у меня удивительно хорошее состояние духа и захотелось немного пофилософствовать. К тому же... Твоя фразочка про нелюдя здорово пахнет ересью. Имей это в виду.

С этими словами он гордо удалился. Побледневший сержант посмотрел ему вслед, почесывая затылок, и повернулся к курсантам.

- С теоретической частью пока что покончено. Пора показать, на что вы способны. Так, каждый взял по лазгану, ЖИВО! – рявкнул гвардеец, стремясь восстановить свой пострадавший во время словесной перепалки с космодесантником авторитет, и указал на медленно открывающийся в стене проем, мягко освещенный изнутри бежевым сиянием. Там, как оказалось, хранился учебный арсенал – компактные болт-пистолеты, уже знакомые болтеры и лазганы, будто игрушечные лазерные пистолеты, огнеметы, похожие на иглы винтовки, мрачные штурмовые пушки... Глаза разбегались от такого пестрящего разнообразия механизмов убийства. Каинвуд почувствовал нарастающее волнение, какое бывает в предвкушении чего-то приятного.

Оружие было довольно тяжелым, но тяжесть эта была сладкой. Она напоминала о том, что в руках – мощное оружие смерти, пока еще дремлющее, но способное прожечь врага насквозь. Каинвуду (вот странное чувство) не терпелось высвободить эту силу на свободу. Сразу вспомнилась молодость, когда он бродил по лесам с лазганом, стремясь подстрелить какую-нибудь живность себе на ужин или на продажу.

Они находились в широком помещении, где за металлическим барьером начинался темный длинный тоннель. Вот что-то мерно загудело, и метрах в двадцати от ограждения в этом тоннеле из пола поднялись десятки мишеней в форме человека. Они стояли в ряд так, чтобы занявший позицию у барьера мог целиться и стрелять в свою собственную мишень, не мешая соседу.

- Снимаем с предохранителя... Вот так, - человек на собственном примере показал, как это делается, взяв в руки лазган. – Пусть первая двадцатка займет места для стрельбы. Если я не ошибаюсь, перед входом сюда каждому из вас присвоили свой номер... Что ж. Посмотрим, из чего вы отлиты.

Каинвуд и Линд встали рядом друг с другом, переглянулись.

- Стрелял когда-нибудь из этой штуки? – спросил Каинвуд.

- Да, доводилось один раз. А ты, вроде бы, всю юность пробегал с лазганом в руках, наводя ужас на лесных крыс?

- Да, было дело, - мечтательно улыбнулся Каинвуд, уперев приклад в плечо и целясь в голову фигуре человека, подсвеченной для удобства. Многие из рекрутов, как он заметил, даже не смогли принять правильную стойку.

- Кстати, шашлык из этих тварей был прямо пальчики оближешь.

- Огонь!

Выстрел. Оружие слегка дернулось в его руках, с характерным звуком выпуская луч алого цвета, хищно впившийся в шею мишени. Что ж, неплохо. В воздухе протянулись десятки пылающих линий.

На дисплее над барьером высветились результаты каждого участника. Каинвуду поставили девятку, Линду – шестерку. Кому-то и вовсе ноль баллов.

- Что ж, поздравляю. – насмешливо сказал офицер. – Все вы теперь почувствовали живой холод оружия в руках и нажали на курок. Момент действительно торжественен... Почти боевое крещение. Остается самая малость – научиться никогда не промахиваться. Ибо один промах в бою может стоить жизни.

ГЛАВА 8. Хвала Бессмертному Императору

День выдался чрезвычайно интересным и насыщенным, хотя и изматывающим. Ночь накануне они провели в казарме, душном помещении с жесткими койками. Спал Каинвуд плохо. Ему снились демоны и чудовища, пришедшие из самого дальнего края Тьмы, и предчувствие судьбоносных событий изматывало его даже во сне.

...После стрельбы была боевая подготовка. А проще – рукопашный бой. У Каинвуда до сих пор болело все тело оттого, что какой-то огриноподобный амбал здорово намял ему ребра. После этой экзекуции он чувствовал себя отвратительно.

Учения проводились в специальном помещении, пол которого был покрыт темно-синими матами. Пространство для схваток было ограничено невысоким барьером, обитом каким-то упругим материалом.

Могучий инструктор, походивший на берсерка из Диких миров, кратко объяснил им правила борьбы. Запрещалось: душить противника, хватать за волосы, выдавливать глаза... Такие действия не приветствовались. Если участник поединка не мог подняться более трех секунд, то он проигрывал. Каинвуд схватился с каким-то двухметровым рекрутом и потерпел поражение, не продержавшись и минуты, что было не удивительно – его боевой опыт исчислялся десятком мелких потасовок в юности. Повзрослев, он почти никогда не дрался, предпочитая решать дело словами, нежели грубой силой.

Дальше всех обучали специальным приемам рукопашной борьбы. Что, опять-таки, было весьма небезболезненно...

Когда объявили о конце боевой подготовки, он вздохнул с облегчением.

После этого по расписанию была полуденная молитва Императору.

Около сотни человек собрали в местной часовне, дабы вознести хвалу Защитнику человечества. Сооружение было монументальным и необыкновенно красивым. Неизвестный архитектор явно вложил свою душу в создание этого необыкновенного места. Храм будто бы воспарил в небо, навеяв мысли о вечном и высоком. Строение внушало невольный трепет даже Каинвуду, никогда особо не проникавшегося духом религии.

Здесь он чувствовал себя в объятиях света. Мыслей о смерти, посещающих Каинвуда во время посещения мрачной Капеллы в Забугорье, не возникало.

Клирик в ослепительно-белых одеждах со странным имплантатом на правом глазу сердечно поприветствовал рекрутов и начал молитву, нараспев читая слова древнего текста. Позади него сверкал золотом имперский орел. Как ни странно, Каинвуд ощутил, как поддается чарам гипнотического голоса священнослужителя.

-... Склонитесь пред Бессмертным Императором, ибо Он наш Заступник.

Восторгайтесь Бессмертным Императором, ибо велика жертва Его во имя Человечества.

Восхищайтесь Бессмертным Императором, ибо строго Он вас наставляет.

Благоговейте пред Бессмертным Императором, ибо во веки веков Он надзирает за вами...

Собравшиеся словно ввали в транс, покачиваясь в такт старинному молебну; одинаковое выражение странного одухотворения и покоя отразилось на лицах собравшихся. Каинвуд, повторяя благословенные слова за клириком, почувствовал, как светлая радость наполняет все его существо, как слезы счастья стекают по его щекам. Ему казалось, что он медленно поднимается в небо, к чему-то необозримо великому, мудрому и доброму, к чему-то, что всегда защитит и поддержит в трудную минуту. И запах... Чарующий аромат каких-то благовоний.

- ...Почитайте Бессмертного Императора, ибо священна мудрость Его.

Превозносите Бессмертного Императора, ибо неодолимо и извечно могущество Его.

Прославляйте Бессмертного Императора, ибо видит Он все.

Восхваляйте Бессмертного Императора, ибо нескончаемо владычество Его.

Славься Бессмертный Император, Повелитель наш и Наставник.

Когда клирик смолк, в церкви надолго воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием верующих. Священник оправил свое великолепное одеяние и мечтательным сияющим взглядом обвел людей. Золотой луч света, высвечивая пляшущую в воздухе пыль, пробивался через окошко в куполе и падал прямо на страницы огромного ветхого фолианта, который лежал на алтаре. Каинвуд отстраненно подумал, что в этом наверняка есть какой-то фокус. Зеркала, направляющие солнце, или что-то в этом роде.

Чары развеялись, оставив состояние легкого ступора и недоумения. Вспоминая себя в моменты «просветления», Каинвуд не мог взять в толк, что с ним произошло. Оглядел улыбающихся остаткам своих видений людей, затем подозрительно посмотрел на клирика.

Что за дьявольские штучки? Пси-поле, вызывающее помутнение рассудка? Или воздействие далеко не простых благовоний, которые незримым облаком висели в воздухе?

Если бы он не знал, что Экклезиархия на дух не переносит псайкеров, то мог бы допустить возможность того, что их рассудок обработал один из тех, что отмечен варпом.

Никто из присутствующих, похоже, ничего не заметил, пребывая в блаженной расслабленности. Даже Линд, и тот стоял с остекленевшим взором, бессмысленно улыбаясь.

Сильно, нечего сказать.

И храм сразу показался Каинвуду зловещим, утратив былое очарование.

- До новой встречи, сыны мои, - проговорил сильным звучным голосом священник. Его металлический окуляр, от которого к виску тянулись кабели, пропадая в копне седых волос, загадочно поблескивал синим. – И да пребудет с вами благословение Императора.

Толпа повалила к выходу, оживленно обсуждая молитву, мимо гвардейца у врат с лазганом наперевес, которого, к слову, не обошло стороной всеобщее религиозное помешательство.

На улице Каинвуд догнал Линда, и, схватив его за плечи, потряс:

- Да проснись же!

- А, это ты. Что такое? – взгляд его, всегда горевший ярким пламенем силы, оставался пустым и спокойным.

- Ничего. Забудь. – он сразу понял, что говорить с другом сейчас бесполезно.

А еще он осознал, что только что остался совсем один.

Глава 9. Вопрос веры.

Вечерело. Из окна их казармы виднелись две луны, сейчас чуть наползающие друг на друга. Одна, большая, была насыщенного фиолетового цвета, другая, поменьше, - синего, словно огромный небесный сапфир.

Он вздохнул и, подойдя к окну, раскрыл створки. В комнату ворвался свежий воздух, который не могли испортить даже выхлопы многочисленной техники, базировавшейся в Кастро Экзерцитус №107. Рядом рос большой лес, верхушки хвойных деревьев которого слегка виднелись из-за высокой ограды с колючей проволокой поверху. Шелестели, словно во сне, ветви, кричал какой-то одинокий зверь, и невыразимо печальной была его песня.

Свобода. Так близко и так далеко...

Над деревьями стремительной тенью пронеслась большая ночная птица с четырьмя крыльями. Из-за кожистого гребня на спине ее в Серой Пустоши называли парусником. Преодолев ограду, она, на свою беду, привлекла часовых. Раздались крики:

- Стреляй, Джоэл! Деликатес же!..

В сумерках вспыхнул алый луч, вонзившись в темнеющее небо. Парусник улетел куда-то во мрак. Каинвуд услышал разочарованные стоны.

- Что ж ты такой мазила, а? С тех пор, как здесь служу, всегда хотел попробовать их нежного мяса.

- Ну, видно, не судьба.

- Эх...

- Вы что, совсем придурки? – встрял третий солдат, подошедший откуда-то со стороны площади. – За растрату боеприпасов вас по головке не погладят. Скорее всего, вручат деликатесы в форме комиссара и расстрельной команды. Черт, вот и сержант.

- Ну что, орлы, кто сей сумрачный стрелок? – раздался голос их инструктора по стрельбе. Молчание.

- Всем внеочередной наряд. Я добрый сегодня... И молитесь, чтобы не узнал комиссар. Знаю, что вы недавно в армии, потому прощаю. Но в следующий раз спуску не дам, учтите, --- с этими словами он удалился.

Вдали коротко и сердито взревели мощные двигатели, судя по звуку – транспортник или танк. Машина с грохотом пришла в движение и стала удаляться от казармы. Каинвуд лениво подумал, куда она направляется, и зевнул. Хотелось спать. После такого-то сумасшедшего дня...

Жизнь кипит, бьет ключом. Во всем этом была какая-то своя лирика, какое-то особенное очарование. Этот вечер... Шум леса за оградой, разговоры уставших за день гвардейцев, отзвуки веселого смеха... Небо пурпурно-синего цвета... Пение цикад... Каинвуд стоял у окна и наслаждался всем этим великолепием, сожалея, что этот миг скоро кончится. Ибо ничто не вечно.

Даже Император.

За такие крамольные мысли его могли подвергнуть чистке разума и сослать на какую-нибудь планетку в качестве пускающего слюни сервитора, бессловесного раба-киборга, поэтому Каинвуд никогда и ни с кем не разговаривал на эту тему. Даже с Линдом.

И все же, что будет, если Золотой Трон падет? Хаос прорвется из варпа в реальность, навеки уродуя Вселенную и уничтожая миры.

Конечно, церковь Экклезиархии убеждает всех, что этого произойти не может никогда, но все же... Каинвуд прекрасно понимал всю шаткость нынешнего положения Императора, прикованного к древним сложнейшим механизмам.

Мыслями он вернулся к произошедшему в храме. Почему на него непонятное безумие подействовало слабее, чем на других?

Его пронзила внезапная догадка, от которой его прошиб холодный пот. Ну уж нет, это уже совсем ни в какие ворота не лезет.

- Почти пастораль, - раздался знакомый голос.

К нему подошел Линд. От произошедшего в церкви он уже полностью оправился. По крайней мере, внешне. А там шут разберет, что произошло в его голове.

- Мда... В такие моменты понимаешь, что жизнь – не такая уж и дрянная штука, как порою кажется, - произнес Каинвуд. По небу, прочертив сияющий след, пронеслась крохотная серебряная искорка - звезда упала или корабль пролетел.

- Не хватает только кружки горячего чая в руке, - усмехнулся Линд, скрестив руки на груди и любуясь бесконечностью, что разливалась беззвучно вокруг разноцветных лун.

Они помолчали. Позади раздался взрыв безудержного хохота – поселяне, собравшись кружком вокруг побитого стола, теперь делились различными байками, правдивыми и не очень.

- Знаешь, все это очень странно, - сказал вдруг Линд.

- Что ты имеешь в виду?

- Простых гвардейцев не вооружают болтерами. А нам их пообещали за успехи.

- Действительно, необычно.

- Я думаю, они решили потратиться на спецвооружение для того, чтобы придать свежееобразованным частям дополнительную боевую мощь. Видимо, им позарез нужно победить.

- Наверное... Когда мы были в храме, ты ничего не заметил необычного? – Каинвуд отвернулся от окна и внимательно посмотрел на Линда.

- А что я должен был заметить?

Понятно. Каинвуд поспешил сменить тему:

- Чувство у меня странное возникло... Но хватит об этом. Как ты думаешь, что сейчас делает твоя семья? Элиза беспокоится, наверное...

- Да. – он тяжело вздохнул и так вцепился в подоконник, что побелели костяшки пальцев.

В комнату залетела какая-то шальная вечерняя бабочка лилово-бордового цвета и сразу устремилась на свет, к лампе на столе. Мужчины, сидящие рядом, с хохотом стали ее ловить. Линд рассеянно посмотрел на них, после чего сказал:

- Знаешь, меня не покидает ощущение, что я оставил родных в самый трудный период времени.

- У нас не было выбора.

- Выбор есть всегда, - резко ответил бывший техник. – Когда я стоял там, на дороге, в пыли, и смотрел на Элизу... Ассира... Эсси... Лео... Я вдруг понял, что весь смысл моей никчемной жизни – не в служении... равнодушному Императору, - он запнулся, пораженный смелостью своих слов, - А в моей семье. Они – моя жизнь...

- Ты хотел дезертировать? – догадался Каинвуд. Линд измученно на него посмотрел и медленно кивнул. За столом начался хаос – насекомое здорово укусило за палец какого-то бедолагу.

- Иногда я не знаю, что мне делать. Понимаешь, я искренне хочу служить Императору, но не уверен, что ему есть хоть какое-то дело до моей службы. Я чувствовал такой подъем во время молитвы в храме... Однако порой мне кажется, что я не верую так, как должен верить, если у меня возникают мысли о тщетности моих усилий...

- У меня они тоже возникают, - решил на откровение Каинвуд, убедившись, что их никто не подслушивает. У него прямо отлегло от сердца – ведь если его друг еще способен сомневаться в догмах Иперииума, значит после инцидента в часовне, разум Линда пострадал не так сильно. Или вообще не пострадал. Может, он принимает все события слишком близко к сердцу?

- Правда? – лицо Линда просветлело.

- Да. Рано или поздно у каждого человека наступает такой период, когда начинается переосмысление жизненных ценностей и позиций, пересмотр взглядов на мир. В это время главное – остаться самим собой.

Внезапно их тихую беседу прервал грубый голос, доносящийся из динамика, установленного под потолком:

- Отбой. Всем занять свои спальные места. Повторяю, отбой. Всех рекрутов, которых обнаружат вне постелей после десяти ноль-ноль, подвергнут телесному наказанию, определяемому офицером части. Отбой. Всем...

- Спокойной ночи, - шепнул Каинвуд Линду. Люди с бормотанием разбрелись по кроватям, кто-то погасил лампу. Что ж... Завтра будет новый день.

Новый день... А это звучит, сонно подумал Каинвуд, закрывая глаза, и забвение приняло его в свои сладкие объятия.

Глава 10. БЫТЬ СОЛДАТОМ.

- ...Орки не сдавались. Войска объединенных кланов не знали удержки в убийстве и жажде крови, и Кеанр, под покровом ночи, взяв с собой только двоих своих преданных воинов, решился на отчаянный шаг – он проник в главный вражеский лагерь, бесшумно вырезав часовых и еще раз подтвердив титул Воина-Тени Серой Пустоши. Найдя шатер Угхгыра, в котором Великий орочий вождь спал, окруженный многочисленной охраной, они заложили термический заряд. Удалившись на безопасное расстояние, Кеанр взорвал шатер вместе со всеми, кто там находился, удивляясь легкости, с которой им удалось повернуть это дело. В стане врага началась паника. Огонь перекинулся на другие постройки. Однако в самый последний момент, когда герои уже покидали лагерь, их заметил какой-то гретчин и началась погоня. Кеанр был сражен случайным попаданием грубого орочьего оружия, именуемого самими ксеносами как пуляло. Умирая, командир завещал отдать его знаменитый меч старшему сыну.

Но верные бойцы Кеанра не оставили его тело на поругание врагу. Они положили его на один из спидер-байков местной конструкции, на которых они и прибыли, и везли его до самого блокпоста, где преследователей встретил отряд «Стражей», патрулировавших периметр. Так было остановлено орочьё наступление, ибо на следующий день в армии зеленокожих случился раскол. После смерти Угхгыра созданный им союз распался, а вожди и нобы устроили бессмысленную междоусобную резню. Снедаемые внутренним конфликтом, орды орков были навсегда изгнаны в Дикие Земли, где они и оставались поныне. До сегодняшнего времени.

Каинвуд и Линд переглянулись.

Офицер, склонный к полноте человек с проседью в волосах, тем временем продолжил, жестикулируя:

- Да, вы не ослышались. Вчера поступили донесения о том, что граница Диких Земель на севере была атакована крупным отрядом орков. Похоже, что они что-то затевают. Нужно ликвидировать эту угрозу. Поэтому пора вспомнить, как бороться с этим варварским народом. Сегодня после занятий на тренировочной площадке у вас будет урок, на котором вы подробно ознакомитесь с психологией, физиологией и историей орков. Всегда нужно знать своего врага в лицо.

В конце занятий по истории войн у них был небольшой экзамен, который должен был помочь учителю, понять, насколько кадеты усвоили материал. И принять меры, если качество знаний его не устраивало.

- Как будто в школу вернулся, - проворчал Каинвуд, отмечая на листе желтоватой бумаги свои ответы на задания, светившиеся на дисплее позади офицера.

- Ага...

- Разговорчики! – визгливо прикрикнул на них учитель, и остаток времени, отведенного на выполнение проверочной работы, они провели молча.

Кого-то, прохлопавшего ушами весь урок и не ответившего на тестовые вопросы, прилюдно высекли плетью, изодрав кожу спины несчастного в кровавые клочья.

- Не могу, - разозлился Каинвуд, когда они шли в столовую. – Зверство на зверстве. То людей в транспортнике расстреливают, то теперь... Смотреть тошно.

- Дисциплина – залог порядка, - неуверенно сказал Линд.

- То есть ты их оправдываешь?!

- Нет, но...

- Мозги тебе промыли, вот что. Если ты считаешь, что калечить человека только за то, что он не ответил на какой-то дурацкий вопрос, справедливо, то знаешь что... Катись к чертям собачим.

Линд насупился и долго с ним не говорил. Он вообще всегда был обидчивой натурой, но всегда быстро всех прощал. Вот и теперь, ковыряя вилкой обед из консервированных бобов и тушенки сомнительного происхождения, он первым нарушил молчание:

- Извини. Ты прав. Все мы растеряли где-то свою человечность.

- Неплохо было бы снова ее найти.

- Ты заметил, что повар – ратлинг? Живой ратлинг?

- Где?

Каинвуд завертел шеей, пытаясь увидеть нелюдя. А вот и он – ловко орудует на кухне в клубах пара, видимый через прозрачную стену с окошками для выдачи еды, отделяющую столовую от помещения, где готовят пищу. Периодически к одному из окошек подходил новобранец, чтобы получить свою порцию.

- Рагу жарит, - принявшись, сказал Линд. – С грибами.

Во взгляде читалась понятная тоска человека, последнее время употреблявшего самую простую пищу и внезапно увидевшего чудо кулинарного искусства.

Коротышка был Каинвуду по грудь, был весьма плотного телосложения и имел маленькие пухлые ручки, которыми он с мастерством творил обед для командиров.

- Не очень то и отличается от обычного человека, - прищурившись, сказал Каинвуд. – Старина Эл выглядит почти так же. Даром что ростом повыше.

- А ты что, ожидал чудо-юдо увидеть в шипах и перьях? – рассмеялся Линд, но тут же помрачнел.
– Чудо-юд мы еще на фронте насмотримся. Что-то я больше не хочу есть.

- Как знаешь.

Они сдали тарелки на мойку и, ополоснув руки у умывальника, направились на тренировочную площадку, где их обучали, погрузив в обстановку реального боя. Это были самые опасные занятия из всех. Вчера, например, высунувшегося из укрытия вопреки приказу оставаться на месте рекруту сожгло огнеметной установкой всю правую сторону тела. Сейчас неудачливый вояка находился в госпитале, и состояние его было, по слухам, тяжелым.

- Бойцы!.. Сегодня наша задача – захватить и удерживать в течении часа тактически важные точки. В бой вас поведет лейтенанты Айзек и Громр - похоронным голосом возвестил имперский офицер в темно-зеленом мундире с эполетами. Поселяне за глаза называли его сэр Траур из-за вечно прискорбного выражения вытянутого лица.

Офицеры выступили вперед и чуть заметно кивнули своим солдатам. Ястребиные глаза того, кто стоял слева, со скукой скользнули по рекрутам и остановились на пасмурном, цвета стали небе. Правый же, настоящий великан, непрестанно хрустел пальцами, и это здорово действовало на нервы.

- Другая группа новобранцев попытается воспрепятствовать вам это сделать. Поехали.

Полигон (конечно, до настоящего полигона, способного вместить не одно подразделение, тренировочная площадка явно не дотягивала, но её всё равно так часто называли) представлял собой огромное, изрытое ямами поле с многочисленными холмиками, болотами и реками со странной жидкостью, зловеще булькающей в глубине трещин в земле. Также по этому пространству было раскидано множество укреплений и обугленных руин, за которыми можно было прятаться от вражеского огня. Пронизывающий ветер гонял бурую пыль поплощадке, тоскливо завывая в развалинах.

Айзек, под командованием которого оказался Каинвуд, повел свою группу к одной из полуобрушенных стен. Противника, отряд из сотни человек, еще видно не было. Заработали дымомашины, распространяя туман на «поле боя», имитирующий дым.

В руках каждого бойца была учебная копия лазгана, стреляющая пластиковыми шариками. Вчера на полигоне Каинвуд на собственном опыте убедился, как больно хлопотать такой несерьезный, казалось бы, снаряд.

- Видите вон то двухэтажное строение? Это цель номер один. Мы должны её захватить, - Айзек поправил сползшую на бок фуражку и указал рукой в черной перчатке на близлежащий объект, ощерившийся черными провалами окон.

- А тактика? – осмелился спросить тот самый носатый солдат, которого на медкомиссии высмеивал медик.

Айзек презрительно усмехнулся.

- Самая простая задача – добраться из пункта А в пункт Б. Без затей. Выдвинулись.

Пересекая пустошь цвета ржавчины под серым, беспросветным небом, сжимая в руках пусть и не боевое, но оружие, Каинвуд подумал о том, что быть солдатом в какой-то степени даже интересно.

И улыбнулся своим мыслям.

Глава 11. Азарт боя.

Каинвуд прятался за разбитым танком, осторожно выглядывая из-за груды покоруженного металла. Они отбили уже две атаки, и пока что ему удавалось остаться «в живых».

Лейтенант Айзек, забрав часть отряда, направился на захват другой точки, оставив командование половиной группы подающему надежды рекруту по имени Алексей Байнур. Справлялся со своей обязанностью он неожиданно неплохо. Интересно, кем он был раньше?

Он увидел Линда, занявшего позицию напротив него, среди груды камней. Его серая форма была перепачкана красноватой пылью. Тот кивнул ему и указал куда-то вперед, в туман, сгенерированный дым-машинами, незаметные трубы которых торчали из земли тут и там.

- По-моему, идут, - сказал Линд.

Каинвуд посмотрел в этом направлении и через некоторое время смог разглядеть неясные силуэты, подкрадывающиеся к ним со стороны накренившейся вышки.

- Тревога! – крикнул он, и нападающие, больше не таясь, ринулись вниз по склону с криками и улюканьем. Каинвуд поймал в прицел одну из бегущих фигур и нажал на курок, приподнявшись над сломанной машиной. Боец споткнулся, крепко ругнулся и по инерции покатился дальше по склону холма, поднимая клубы душной пыли.

Раздались хлопки – рекруты открыли огонь.

Линд крикнул Каинвуду, перекрывая шум «боя»:

- Гранаты есть?

- Одна.

- По-моему, сейчас самое время.

Каинвуд снял с пояса гранату с парализующим газом, который, как утверждали инструкторы, был почти безвредным (только вот это «почти» как-то его настораживало), и выдернул чеку. Этот вид боеприпасов выдавали не всем, а каждому третьему, и в большинстве своем солдаты его группы уже их использовали, причем почти во всех случаях впустую. Один и вовсе умудрился усыпить самого себя и пару своих товарищей, передержав гранату в руках.

В это время основная масса нападающих перевалила через гребень холма и стремительно приближалась. «Убитые» хмуро стояли в стороне, потирая ушибленные места.

Чувствуя небывалый азарт, Каинвуд во весь рост распрямился над гусеницей танка, и метнул гранату в бестолковую гущу врагов. Интересно, что за бездарь ими командует? Офицера Громра нигде не было видно – видимо, его группа схватилась с бойцами Айзека.

- Получите, олухи! – засмеялся Каинвуд. Громыхнуло, и на месте падения гранаты поднялось белесое облако. Внутри него суетились фигурки людей, натываясь друг на друга и падая.

- Вперед! – раздался зычный голос Алексея Байнура. – Сомнем врага!

Люди с боевыми кличами вскакивали из-за укрытий и неслись в контратаку, потрясая копиями лазганов и стреляя на ходу. В разгаре битвы и забываешь, что это только учения – все кажется таким реальным... Особенно ярость бойцов, схлестнувшихся друг с другом в рукопашную.

Слышалась ругань, падали в пыль поверженные солдаты. Воздух наполнился шумом сражения. Никто не хотел уступать.

Каинвуд спокойно прицелился в бегущего противника в синем шлеме (у их отряда шлемы были зеленые), и выстрелил. С проклятьем солдат покатился по земле, выронив оружие.

Слишком поздно Каинвуд заметил врага, затаившегося за здоровенной глыбой и направившего ствол «лазгана» в его сторону. Он не успел броситься на землю, как почувствовал сильную боль в районе груди. Ощущение, будто ударили наотмашь кувалдой. Хватая ртом воздух, он повалился в пучок жухлой травы серого цвета. Все, игра окончена. Убит.

Вспомнилось, как говорил перед боем Айзек:

- И запомните одно немаловажное правило. Если ты видишь врага через прицел своего оружия, то значит, что кто-то в это время видит и тебя. Этакая военная философия...

Он слышал топот ног, хлопки и ликующие вопли. Похоже, они выигрывали...

Рядом кто-то опустился на корточки.

- Ты как? – спросил Линд. Каинвуд, поморщившись, поднялся на ноги.

- Терпимо. Ты тоже труп?

- Ага. Даже не увидел, откуда стреляли.

Он заметил, как его товарищ держится за плечо. Могли бы сделать попадания из «лазганов» менее болезненными, что ли. Хотя наверняка в этом есть какой-то смысл. Привыкайте к боли, бойцы, и так далее.

Они направились к руинам одноэтажного дома, рядом с которым уже наблюдали за схваткой паратройка «убитых». Интересно, они их специально так разрушили? Или реальное поле боя переделали под полигон, не став восстанавливать разбитые здания? Тут рядом граница с Дикими Землями, если верить карте, висящей в казарме. Может, на Кастро Экзерцитус кто и нападал. Варвары, например. Мало ли что могло быть.

Варварами они называли дикие племена кочевников, периодически совершающими набеги на земли, лежащие рядом с Дикими Краями. Неплохо вооруженные для дикарей и почти такие же безжалостные, как орки, они были сильной угрозой, и головной болью для поселян. В детстве Каинвуда пугали ими, говоря «Вот будешь плохо себя вести, отдадим в рабство кочевникам». Правда, в ту пору он плохо понимал значение слова «рабство».

На помощь силам Байнура прибыл Айзек, и началось тотальное избиение. Не помогли даже солдаты Громра, присоединившиеся к сражению вслед за Айзеком. Синешлемники позорно бежали.

Это была славная победа.

- Вот смотрю на них и удивляюсь, - сказал Линд, созерцая картину триумфа его отряда. Он стоял, лениво прислонясь к закопченной стене, и жевал сорванную тут же травинку. Это была его давняя привычка.

- Чему удивляешься? – грудь до сих болела. Что ж, появится еще один синяк, пустяки.

- Эти люди так быстро забыли, кем они были до войны и все до единого мнят себя великими солдатами. Что же с ними будет, когда их закинут в настоящее кровавое жерло боя? Что они скажут, оказавшись в аду? Сомневаюсь, что с таким же воодушевлением они бросятся навстречу реальному врагу.

- Каждый трус мнит себя храбрецом, - сказал Каинвуд, смотря на хмурое тяжелое небо, - Но истинная храбрость всегда проявит себя на поле брани. Так же, как и трусость, которая вылезет наружу гнилым зловонием.

Глава 12. Немного ксенологии.

- ... Что такое орк? По сути, это огромная зеленокожая тварь, что любит кричать «Ваагх!» и отрывать поверженным врагам головы, - сказал инструктор. Это был тот же самый человек, что проводил занятия по стрельбе. Офицер сел в уютное кресло с кожаной обивкой и налил из вскипевшего чайника воду в железную кружку. Повеяло странным, волнующим ароматом, напомнившим технику о далеких, неизведанных странах и мирах.

- Интересно, что он пьет? – спросил Каинвуд у Линда. Тот пожал плечами, но ему ответил другой рекрут:

- Судя по запаху, это рекаф. Напиток такой.

- Да уж понятно, что не еда, - съязвил Каинвуд. – А ты-то откуда знаешь, как оно называется?

- Доводилось пробовать, - мечтательно сказал общительный новобранец. – За хорошую работу наше агрообъединение наградили ящиком рекафа, какао и экзотических фруктов. Всего понемножку там было... Продукты, как могли, поделили между нами поровну. Мне досталось немного рекафа.

Каинвуд слышал про рекаф, или кофеин, но никогда не пробовал. Говорили, что он был распространенным напитком, но по какой-то причине на Серой Пустоши он был редок. Вроде бы растения, зерна которых использовались в приготовлении рекафа, ни на этой планете, ни на Колосе не прижились. А выращивать их в теплицах сочли, видимо, слишком дорогим удовольствием.

Поэтому пили на Серой Пустоши в основном чай. «Чай - всему голова», говорили частенько. Без чая в краях, где жил Каинвуд, не обходилась ни одна сделка, ни одна дружеская встреча. Такова еще одна традиция их заурядного, в общем-то, мира.

- Никогда не слышал, чтобы начальство проявляло подобную щедрость, - сказал Линд. – Ты откуда будешь?

- С Горного. А вы?

- Забугорье.

- Как же, слышал, - обрадовался мужчина и смешно потер нос. – Там мой дядя живет, Элом Вирнстеном кличут. Может, слышали?

- Да, конечно, - улыбнулся Каинвуд. – Недавно он...

Офицер пребывал в хорошем расположении духа и закусывал галетами, обмакивая их в кружку и не забывая параллельно вещать рекрутам о народе орков.

- Также существуют гретчины, снотлинги и сквигги – мелкие родственники зеленокожих, занимающие в иерархии орков всегда низшее место, положение раба. Ну, примерно как сервиторы. Мда...

Он замолк. После минуты молчания, заметив, что офицер стал клевать носом, все ниже и ниже склоняясь над поверхностью стола, кто-то громко сказал, напустив в голос столько лести, что реплику можно было счесть за издевательство:

- Извините, сэр. Почему вы прервали свою замечательную лекцию?

Инструктор встрепенулся, взгляд его стал осмысленным. Он посмотрел на рекрутов и проговорил:

- Да вот думаю, как бы пошутить, чтоб прям от души, да юмор в голову не идет. Не выспался старина Дейлор, не выспался.

Он подкрепил свои слова могучим зевком.

- Этот парень начинает мне нравиться, - тихо хохотнул Линд.

Офицер тем временем продолжил, потирая лысеющую голову:

- Хм, к черту анекдоты. Продолжим. Оркоиды представляют собой симбиотические организмы. Две биологические основы образуют единую структуру. Первая основа - стандартная генная спираль, практически идентичная человеческой. Она определяет вид оркоида, его общие характеристики. Вторая - генная спираль растительного происхождения, сходная с генетическим материалом зеленых примитивных водорослей и грибов. Она остается неизменной для всех видов оркоидов. Именно эта основа придает зеленокожим их уникальную стойкость и приспособляемость.

- Это что, получается, что орки – грибы? – развеселился один из стоящих с Каинвудом мужчин, обладатель увесистого оберега-серьги, изображающего какой-то спиралевидный узор, – И их есть можно?

- Попробуй, - ухмыльнулся сержант. – Лично предоставлю мангал с шампурами, и буду с интересом следить за сим гастрономическим экспериментом. Ха.

Дейлор отставил кружку и пачку с галетами в сторону

- Говорят, что болтер придумали именно для борьбы с орками, ибо обычное оружие ввиду необыкновенной живучести этих ксеносов оказалось не шибко эффективно.

- Тогда болтер надо было назвать оркодыром, - усмехнулся скептически настроенный Каинвуд. – Не верю я в это что-то.

- Оркодыр – это звучит, - Линд почесал затылок. – А еще лучше – оркобой. Пафосно и сердито.

Урок шел еще около часа. От Дейлора они узнали, что такое чоппа, чем опасны большие шуты, тяжелые пушки зеленокожих, как появляются и растут орки (А появлялись они действительно

удивительно - подобно грибам, оркоиды развивались из особых спор, и в отличие от других рас не имели периода детства) , и почему убитого ксеноса лучше сжечь.

- Они, сволочи, регенерируются, - раздосадовано сказал инструктор. – Мне приходилось сталкиваться с тем, что оркоид, получивший прямое попадание из тяжелого бортового орудия танка, оживал. Вы думаете, откуда у меня этот шрам?

Он прикоснулся к длинному, тянущемуся через всю щеку неровному бугру.

- Так что не стоит недооценивать этих странных гуманоидов. Это приведет к поражению и, как следствие, к гибели. Поверьте, эти грубые и с виду примитивные создания еще преподнесут вам массу неприятных сюрпризов.

Глава 13. Тяжело в учении

... И потянулись однообразные дни нелегкой воинской учебы. Побудка в семь утра, затем молитва и трапеза, после чего – стрельба и боевая подготовка. После этих занятий – снова молитва, но уже в храме, который Каинвуд к тому времени уже возненавидел. Каждый раз повторялось одно и то же. Молитва, дым ладана и чего-то гораздо более таинственного и специфичного, толпа одурманенных, оболваненных людей. Каинвуд с тревогой поглядывал на Линда, но каких-то особых перемен в нем не обнаружил. Разве что его друг стал более религиозным, чем обычно. Было ли это вызвано посещением храма, техник не взялся бы ответить. Может быть, испытывая стресс, вызванный вполне понятным страхом перед войной, Линд начал искать спасения в церкви Его-на-Земле?

После воздаяния почестей Императору по расписанию следовал полуденный прием пищи. Надо сказать, что кормили их не так уж и плохо. Почему-то Каинвуду казалось, что рацион в армии гораздо хуже. Один раз им даже дали вместо поднадоевших консервов здоровый кусок сочной дичи. Как воодушевляющий бонус, наверное.

После еды – история. На ней их знакомили с хрониками Серой Пустоши, великих героях и их не менее великих свершениях. То есть ничего действительно серьезного. История мира почти наверняка была перевернута так, чтобы быть пригодной для начинающих воинов и была превращена в очередную пропаганду мощи и величия Империиума. Много пафоса и куча разных героев, больших и маленьких, что еще нужно будущему солдату для поднятия духа?

Дальше –тренировочная площадка, или Полянка, как ее почему-то стали называть рекруты. Это была самая интересна часть дня. Рекрутов разделяли на команды и заставляли выполнять разные задачи, от захвата точек до зачистки. Судя по тому, что сражения на Полянке никогда не затихали, у разных частей было разное расписание. Еще бы – всего в Кастро Экзерцитус №107 находилось несколько тысяч солдат (а биться на площадке могло только около двух сотен в одно время), не считая постоянного гарнизона и Темных Ангелов, на которых все взирали с трепетом и обожанием. Ну, почти все. Каинвуд еще в первый день заметил, что среди офицерского состава не очень любят космодесантников. Судя по обрывкам их разговоров, их возмущало пренебрежительное отношение Темных Ангелов (да и других орденов) к Имперской Гвардии, в которой они видели лишь пушечное мясо, расходный материал. Гвардия, например, уважала Саламандра за их человеческое поведение с ними и практически незамедлительный отклик на просьбу о помощи, в то время как остальные Ордена если и помогали (взять тех же Темных Ангелов и их Ордена-Преимники), то в процессе операции могли свернуть свои силы на достижении им только ведомых целей, оставив Имперских солдат умирать. Каинвуд понимал их. Кому понравится такая заносчивость?

Он попытался обсудить эту тему с Линдом, но тот то ли не понял его, то ли не захотел слушать, будучи уверенный в правоте церкви и общественных догм. В последнее время

эта уверенность достигла своего пика. Каинвуд не сомневался, что в этом виноваты проделки священника, добавляющего в благовония что-то не то и внушивший таким образом новобранцам любовь и почитание к религии Экклезиархии (а подавляющему большинству ничего и внушать не потребовалось).

Одна мысль не давала покоя технику. Если он не поддастся воздействию, то... не значит ли это, что он сам – потенциальный псайкер?!

Каинвуд старался не думать о тех мрачных перспективах, что открывались перед ним в случае подтверждения этой догадки.

... После Полянки были уроки ксенологии. Сержант Дейлор, как оказалось, имел весьма веселый характер и часто мог поднять настроение одним лишь словом. Каинвуд был рад, что им достался такой жизнерадостный и не двинутый на службе инструктор.

Один раз Дейлор притащил на урок живого сноттлинга в клетке. Существо то робко и неубедительно скалило зубы, то, забившись в угол, испуганно скулило, бормоча что-то почти членораздельно. Вместо правого глаза у него блестел сломанный имплантат весьма грубого вида, как и все вещи, сделанные орками.

- Вы только посмотрите на него, - смеялся Дейлор. – Натуральный шизофреник. У меня так себя дедушка вел, когда перебирал самогонки.

- Где вы его взяли? – с живым любопытством спросил Каинвуд. Офицер потряс клетку, затем повернулся к нему и сказал, сияя как ребенок:

- Поймал патруль на границе. Малыш забрел немного не туда. Не в тот район.

Сноттлинг выглядел омерзительно. Пупыристая зеленая кожа слегка лоснилась на свету, нос крючком и огромные кривые уши создавали впечатление не то карикатуры на алкоголика, не то уродливой гротескной куклы, одной из тех, с какими выступал бродячий театр марионеток. Носил он какое-то бурое и несомненно грязное тряпье.

Тварь подняла огромную голову вверх и тихо завывала. Каинвуду внезапно стало жаль этого дрожащего от страха бедолагу.

- Что с ним будет? – внезапно спросил он. Сержант посмотрел на него, как на полного кретина:

- Уничтожат. Есть все подозрения полагать, что это вражеский лазутчик. Видишь эту разбитую штуковину у него в глазу? Это наверняка камера. Была. А какой-нибудь особо умный орк сидел в кресле, или где они там сидят, и наслаждался картинкой, которую она транслировала. Потому первым делом гвардейцы и раздолбали сноттлингу его окуляр.

- Его... допросили? – поморщившись, спросил Каинвуд.

-А как его допрашивать? Он разговаривать-то не умеет. Интеллект на уровне собаки, ничего не вытянешь, - усмехнулся инструктор. – Еще одна причина, по которой удобно делать из сноттлингов разведчиков. Правда, они чересчур уж трусливы. Ладно, вернемся к занятиям. Сегодня, как вы уже могли понять, мы будем изучать подвиды орков. Сноттлингов разберем попозже, а начнем, пожалуй, с гретчинов. Они меньше орков и не так кровожадны и сильны как, их большие братья, зато очень многочисленны. Гретчины всегда...

Еще один день. Еще один вечер. Ночь. Рассвет.

И с каждой рухнувшей в бездны прошлого секундой война все ближе.

А на следующее утро всех собрали на казнь.

Глава 14. Печать Зла

Снова толпа, снова шепот дыхания сотен замерших в ожидании чего-то людей. Снова безмерная печаль старинного героя, каменной громадой нависавшего над скучными армейскими строениями. Снова тоскливое небо цвета стали. Вот он, оттенок войны и бед, немой гимн боли и разлуки. Все это виделось Каинвуду в блеске брони оцепивших площадь танков, в переливах хмурого металлического неба, готового излить на уставший мир свои холодные скорбные слезы. Ему стало не по себе. Он почувствовал себя душно и неуютно в этой чужой, беспокойной, как сон тяжелобольного, толпе.

Странно, он никогда раньше не страдал демофобией. Что ж, все когда-то случается впервые.

Имперский комиссар в длинной черной шинели и высокой островерхой фуражке, неременной Имперской инсигнии, чуть улыбался. Каинвуд стоял в первых рядах, потому хорошо мог рассмотреть его облик. Холодные глаза смотрели слегка отстраненно, почти мечтательно, но была в этом какая-то тайная жестокость, какой-то зловещий порок, отражавшийся в чертах аристократического бледного лица. Чем-то он был похож на лейтенанта Айзека, со второго дня их пребывания здесь проводившего занятия на полигоне. Только казался незнакомый комиссар гораздо опаснее. Опаснее и коварнее. Почему-то Каинвуду казалось, что от него веет злом. Логически он не мог обосновать свои ощущения, но сердцем чувствовал, что от имперца нужно держаться подальше. Если дорога жизнь. И дело тут было не только в том, что комиссара нужно бояться и сторониться по определению, ибо большинство из них откровенно невменяемы (был один комиссар, что с легкостью казнил целый взвод за то, что его бойцы не отдали честь во время боя проходящему мимо офицеру). Причины этого иррационального отвращения крылись глубже. А Каинвуд привык доверять своим ощущениям. Один раз, еще в юности, он не пошел на охоту из-за странного предчувствия. Как показали дальнейшие события, остался дома он не зря. В лесу случился сильный пожар, и несколько охотников, знакомых Каинвуду, погибли, попав в огненную ловушку.

Позади комиссара, под неусыпным взором охраны, стояла маленькая кучка обреченных людей в серых робах и мешками на головах. Их руки были крепко связаны за спиной, сквозь порванную одежду виднелись многочисленные ссадины и кровоточащие порезы.

Над площадью носились с низким гулом сервочерепа, сияя алыми демоническими глазами и пугая редких птиц. Упали, преодолев многие сотни метров холодной пустоты, первые капли дождя.

- Братья! – обратился к людям комиссар. – Сегодня мы будем свидетелями справедливого возмездия. Эти люди, - он кивнул в сторону пленников, - Обличены в ереси.

Несколько мрачных гвардейцев, видимо, расстрельная команда, подошли к приговоренным и стали снимать с них мешки, являя народу их хранящие ужас лица.

- Ну ничего себе, - пробормотал Линд, а затем глаза его расширились: - Каин, это наши офицеры!

- В смысле?

- Вон, видишь того толстяка? Не узнаешь?

В измученном, побитом человеке было трудно разобрать черты того нервного имперца, что преподавал им историю. Лицо заплыло, почернело от многочисленных ударов. По щекам непрерывно текли слезы, разбитые губы чуть шевелились, словно в молитве.

Озаренный догадкой, он внимательно оглядел остальных. Так и есть: здесь был инструктор по боевой подготовке, и лейтенант Громр, и пара других смутно знакомых людей, которым Каинвуду приходилось отдавать честь при встрече. И вот теперь они здесь, под пристальным взглядом толпы и грозными дулами оружия, под все усиливающимся дождем, в робах преступников. Что же произошло?

Каинвуд с облегчением понял, что среди осужденных нет Дейлора. Этот офицер ему нравился, и он бы огорчился, увидев его в числе приговоренных на смерть.

- Проклятие, - сказал Каинвуд. – С чего бы все это?

- Заговор среди офицеров? – высказал свою догадку Линд.

- А черт их разберет.

Тем временем комиссар развернул длинный свиток, который ему доставил сервачереп, и стал зачитывать приговор в вокс. Офицеров обвиняли в измене Императору, а именно: в попытке подрыве авторитета Ордена Темных Ангелов, в распространении еретических крамольных речей про доблестных космодесантниках и прочему.

- Интересно, как же Дейлор выкрутился? – спросил Каинвуд.

- А Дейлор не выкрутился, - сказал Артемис, тот самый большеносый рекрут. Они с Линдом недавно завели с ним знакомство, и выяснилось, что это один из самых добродушных людей, которых когда-либо встречал Каинвуд. Пусть он и страдал недостатком храбрости, Артемис все равно оставался прекрасным человеком.

- А что с ним случилось? – спросил Линд. Глупо. Все глупо. Глупый мир, глупая война, глупые, злобные люди. Грязь и ненависть вокруг, и нет спасения.

- Он сбежал ночью, каким-то образом узнав об арестах.

- Как ему это удалось?

- Говорят, что охрана его пропустила. Все-таки он был своим человеком, многие его уважали и водили с ним дружбу.

- Представляю, что стало с охранниками.

- Они здесь, - вмешался в разговор мужчина мрачного вида с кустистыми бровями, придававшими ему зловещий вид. Он кивнул на подиум. – Их осудили вместе с этими.

Он сплюнул.

- Развелось еретиков, как собак нерезаных. Хоть Инквизицию вызывай. Единственный достойный человек из них – Дейлор, и то сейчас он сбился с истинного пути. Когда-то я знал его... В молодости. Росли вместе, - проговорил рекрут и отвернулся, из-под своих тяжелых бровей наблюдая за скоротечным судом.

-... И приговариваются к казни путем расстрела. Ересь будет наказана. Предателям нет места на этой земле. Да исполнится воля сия во имя отца нашего и наставника, Великого Бессмертного Императора.

Кто-то из обреченных дико завопил, так страшно, что этот полный отчаяния, безнадежности и животного, всепоглощающего страха крик, казалось, не принадлежал человеку.

Каинвуд оглядел толпу. Лица хмурились, руки сжимались в кулаки. Ненависть. Но как можно так ненавидеть человека, ничего тебе не сделавшего, лишь за несколько неосторожно брошенных слов? Как?

«Все мы растеряли где-то свою человечность», - вспомнил Каинвуд слова Линда.

Амбал Громр, ухитрившись со связанными руками раскидать охранников, спрыгнул с подиума. Это было ошибкой. Далеко уйти ему не удалось – его разорвала негодующая толпа, и конец лейтенанта был страшен.

Каинвуд лишь покачал головой.

Людей на возвышении тем временем согнали к ступням изваяния. Раздались характерные щелчки подготавливаемого к стрельбе оружия, и палачи замерли, направив стволы стабберов на еретиков. Интересно, что чувствуют эти люди, вынужденные смотреть в глаза бывшим товарищам, приговоренным умереть от их руки? Неужели ничего? Неужели бесконечное служение настолько съело их души и чувства, что члены расстрельной команды уже не в состоянии проявить такое человеческое чувство, как жалость?

Каинвуд закрыл глаза. Напряженную тишину, воцарившуюся на площади, разорвали хлопки выстрелов, эхом разнесшихся по Кастро Экзерцитус. Эти звуки Смерти, казалось, заглядывали под каждый камень, в каждое сердце.

Он был готов поспорить, что комиссар стоял, скрестив руки на груди, и улыбался.

Он вспомнил зловещую улыбку Ивена и подумал, что это и есть печать крови и страдания, которую оставляет на лицах людей война. Печать Зла.

Печать... Хаоса?

Глава 15. Миры близкие и далёкие.

Светили загадочные звезды, и в воздухе пахло прошлым – смесь воспоминаний, которых никогда не было, и легкой грусти.

Каинвуд поймал на ладонь каплю дождя и с любопытством наклонился, рассматривая ее. Она сверкала чистым первозданным светом, сияя изнутри.

Раздался мерный шелест, и он поднял голову. Над ним, медленно рассекая время и пространство, летело, тихо вздыхая, самое удивительное существо, которое ему только доводилось видеть.

Могучее серое тело создания имело пропорции морского обитателя – длинный хвост, грудные плавники, почти похожие на руки, и огромная гладкая голова. Три мудрых глаза размером со щит древнего воина снисходительно посмотрели на человека и моргнули, на мгновение подернувшись прозрачной пленкой. Кит, попирая законы гравитации, легко парил в ночном небе, являя собой воплощение одиночества, свободы и спокойствия.

Каинвуд подошел к краю скалы, ступая по мягкой изумрудной траве, и посмотрел вниз. В бесконечности, сияя неведомыми огнями, висели острова с лесами, горами и какими-то древними постройками. Некоторые части земной тверди были очень малы и вмещали только пару-тройку деревьев со светящимися плодами на ветвях, другие, напротив, напоминали целые материки.

Он обернулся. Позади, рассыпая вокруг осенние листья, прямо из ниоткуда возникала сумрачная аллея, в которой тоскливо металась неясная тень.

Недолго раздумывая, он ступил в этот сверхъестественный коридор, ощутив, как под ногами с тихим шорохом материализуется земля.

Каинвуд шел по аллее, овеваемой волнами неясного тумана, и чувствовал, как за спиной, следуя за ним, перемещалось *нечто*. Призрак что-то шептал почти членораздельно и вздыхал в смертной тоске. Возможно, он умер скверной смертью, перед этим предав свое имя, и потому был вынужден пребывать здесь во веки веков.

Наконец он достиг конца коридора и замер на пороге нового мира, не веря своим глазам. Перед ним расстился солнечный пейзаж его родного села. Лучи светила пробивались через синеватые облака, обещающие легкий дождь, и указующими перстами упирались в землю.

Когда Каинвуд обернулся, аллея с обитающим в ней существом тлена растаяла, словно ее и не было.

Поэтому ему ничего не оставалось, как ступить на землю своей родины.

Каинвуд медленно шествовал по главной улице Забугорья, не веря своим глазам. Повсюду царил праздник. По воздуху летели невесомые цветы дерева каен, распространяя в воздухе приятный аромат весны, аромат жизни. Он поймал один из них и спрятал в карман, подавшись внезапному порыву.

Вот ему улыбнулся и помахал рукой Дерив, держащий на коленях свою маленькую дочь.

Но этого же не может быть – он сгорел во время лесного пожара.

- Во сне и не такое может быть, - лучший в селе охотник подмигнул. Девочка засмеялась серебряным смехом, и Каинвуд пошел дальше, оставляя за спиной старого друга. Настроение его было приподнятым. Какие еще сюрпризы подготовит ему этот день?

Ноги сами привели Каинвуда к его дому. Сейчас он казался больше и как-то мудрее. Да, в его очертаниях, в каждой трещинке, каждой пылинке, приставшей к стене, таился разум. Если бы его попросили объяснить, почему он так решил, он бы не смог описать свои чувства словами. Это была одна из тех тайн, что открывается смертному только во сне и забываются в момент пробуждения.

На крыльце дома, согнув одну стройную ножку в колене, а другую изящно вытянув, непринужденно сидела Винн, наслаждаясь тонкой курительной палочкой, стоившей по четверти кеанра за штуку, что было довольно дорого. Поэтому курила Винн редко, в результате особо хорошего расположения духа или, напротив, находясь в ужасном настроении. Сейчас был явно первый случай.

Она заметила Каинвуда и, отложив курительную палочку бордового цвета, медленно встала. В ее глазах редкого золотистого цвета можно было утонуть, и это была бы самая сладкая гибель во всей Вселенной.

- Винн? – прошептал он. Она лишь печально улыбнулась и, подойдя к мужу, нежно погладила ладонью его щеку. Каинвуд всегда поражался хрупкости ее рук. Прижав кисть к лицу, он вдохнул

ее аромат. Запах кожи Винн всегда сводил его с ума, и сегодня он снова, за многие-многие холодные пустые годы, ощутил то странное волнение, что сладко тревожило сердце, когда рядом была любимая.

Слова были не нужны. Они просто стояли и смотрели друг на друга, а за их спинами падали звезды и спешило к горизонту солнце, уступая место двум сестрам-лунам.

- А где?.. – начал было Каинвуд, с тревогой оглядывая двор. Кто-то легонько тронул его за подол одежды.

- Мы здесь, папа, - сказала Элли. Изабель стояла рядом, обнимая сестру за тонкие детские плечи. На ее вечно серьезном лице застыла любовь... Элли прижалась к нему, и Каинвуд рассеянно обнял своих детей. Оглянувшись на Винн. Та стояла, обхватив себя руками так, будто ей было холодно.

- Как мне вас не хватает, - сказал он. Прекраснейшая из женщин приложила палец к губам и, приблизившись к Каинвуду, положила голову ему на плечо.

Он закрыл глаза, чувствуя рядом тепло их тел, извдохнул. Рядом раздался счастливый смех родителей. Или ему только показалось?

Так они и провели всю ночь. Неподалеку, кажется, упала звезда, но он не обратил на это особого внимания. Краем глаза он видел ее мерцающий синеватый свет. Все было хорошо.

Сирена побудки грубо выдернула Каинвуда из лучшего в его жизни сна.

Вздохнув, он сел на кровати и бросил взгляд на окно. Над лесом разгоралось сияние нового дня, покрывая позолотой верхушки деревьев и заставляя сверкать колючую проволоку на заборе, будто праздничную гирлянду.

Слушая сонное бормотание разбуженных рекрутов, Каинвуд механически оделся и украдкой, удостоверившись, что никто не смотрит (впрочем – а кому он нужен?), раскрыл маленький изящный медальон, всегда висевший у него на груди.

Оттуда на него смотрели лица его дочерей и жены. Как всегда улыбчивые, как всегда неуловимо печальные, будто им была введена некая тайна, омрачавшая их радость.

Проделав этот каждодневный ритуал, Каинвуд спрятал дорогую сердцу вещицу на груди и подумал, что теперь у него есть, за что воевать.

Он будет воевать за то, чтобы в мире было хоть немного больше счастья. Чтобы было больше историй с хорошим концом.

Ведь если не помешать враждебным силам, то смерть настигнет и Забугорье, и другие села. Погибнут дети. Жены. Старики... А он по себе знал, как тяжело терять близких. И не хотел, чтобы кто-то тоже испытал этот кошмар.

Помочь сохранить мир на их планете – вопрос его чести.

Глава 16. Укус василиска.

Сегодняшнее занятие на Полянке было не совсем обычным. В этот раз ее использовали не как тренировочную площадку для имитации боевой обстановки, а как место для стрельбищ. Это им объявили после столовой.

Место Дейлора, которого, по слухам, так и не нашли, занял спокойный, как скала, сержант Гелтион. Он и повел их на Полянку. Говорил их новый инструктор размеренно, строго по делу, в отличие от своего предшественника, но хотя бы не имел привычки орать на подчиненных, как иные из офицеров.

Всюду за этим бледным человеком, не отставая ни на шаг, следовало маленькое странное существо цвета лазури. Маленькие прозрачные крылышки бесшумно мелькали, подобно стрекозиным, и позволяли крошечному созданию легко перемещаться по воздуху. Очертаниями оно напоминало человека, и Каинвуд еще раз удивился многообразию жизненных форм во Вселенной.

- Фея... - зачарованно сказал Артемис, и Линд усмехнулся, слегка, впрочем, неуверенно:

- Парень, ты еще из детства не вышел, как я погляжу. Какие феи? Их не существует... Ты бы еще объявил, что Башмачник – вполне реальный персонаж...

- Но что это тогда? – спросил Артемис. Перед ними распахнулись автоматические ворота, приглашая войти на территорию Полянки.

- Какая-нибудь инопланетная тварь, - ответил Каинвуд. – Вон, у Эльга спроси. До всего этого безумия он работал биологом. Что-нибудь да знает.

Эльг, маленький лысый мужичок, как нельзя лучше вписывающийся в устоявшиеся представления о таком зануде-профессоре, оживился, обнаружив потенциальных слушателей.

- Перед вами – существо, на готике известное как кариатид. Водится в вентиляционных шахтах городов ульев.

- Паразит, что ли? – спросил Линд. Эльг потер свою запотевшую от быстрой ходьбы лысину и кивнул:

- Что-то вроде этого. Так вот. Изредка кариатиды привязываются к людям, и это почти повсеместно считается доброй приметой - человеку сопутствует удача, раз он сумел привлечь эльфа, как их еще порой называют. А вот если кариатид покинет своего спутника, то жди беды. По крайней мере, так гласит суеверие.

- Да ты просто ходячая энциклопедия, - добродушно проговорил Артемис, и Эльг надулся от гордости. Он всегда был рад проявить свои знания, которые действительно отличались глубиной по многим вопросам биологии. В армии ему было тяжелее всех. Абсолютно неприспособленный к физическому труду, он с трудом терпел тренировки и по вечерам жаловался, что скоро развалится на части. Правда, с каждым днем его жалобы становились все тише и тише. Вот уж действительно, человек – чудище, способное приспособиться к любым условиям. Эльг был не исключением. Хотя на чудище походил с трудом.

На возвышенности, погрязнув в клубах пыли, ворочался маленький танк. Вернее, самоходная установка. Повернувшись к рекрутам флангом, он с гулом развернул башню и поводит вверх-вниз дулом.

- Это артиллерийская самоходная установка «Василиск». Подобные разрушительные артсистемы, конечно, не могут служить заменой танкам, так как они не способны вести штурм по причине слабого бронирования и открытой платформы. Вместо этого, "Василискам", среди остальных видов артиллерийских орудий, предназначена роль поддержки полков на передовой. "Василиски" могут менять цель, перезаряжаться и стрелять довольно быстро, а орудие "Сотрясатель" спроектировано так, что позволяет поднять ствол на необходимую высоту для стрельбы навесом и поражения скрытых целей, - Гелтион как-то лениво, манерно взмахнул рукой, и пилот «Василиска» открыл огонь. С характерным визгом смертоносный снаряд устремился вдаль, чтобы

поразить одну из учебных мишеней, скрытой за холмом. В воздух взвилась вездесущая пыль вперемешку с крошками камня и землей. Пустая гильза выпала из орудия и, звеня и подскакивая, покатила в сторону Каинвуда. Сам сержант стоял поодаль, держа на ладони своего кариатида.

Через несколько секунд ствол «Василиска» поднатужился и выплюнул еще одну болванку, которая обрушилась уже на другую цель, выглядевшую как серебристый прямоугольник.

Снова мощный взрыв, и от нее ничего, кроме воронки, не осталось. Гелтион пронаблюдал это явление в маленький офицерский бинокль, и видимо удовлетворившись результатом, кивнул. Это движение тоже вышло у него каким-то пижонским. Каинвуд не знал, почему ему так показалось, но судя по взгляду Линда, понял, что не ему одному манеры нового инструктора показались чересчур вычурными. Впрочем, особой неприязни этот офицер у него не вызывал. Тем более, если ему доверилось такое удивительное загадочное существо, как кариатид, то, возможно, он действительно неплохой человек.

Тем временем к «Василиску» подъехали еще дюжина самоходок. Люки всех машин откинулись, и водители равнодушно окинули взглядом построенных в ряд рекрутов.

- Наша задача на сегодняшний день – выявить среди вас способных водителей и стрелков, - проговорил Гелионт. Кариатид, перебравшийся на его плечо, игриво дернул его за прядь волос, выбивающуюся из-под фуражки. Сержант поморщился, но ничего не предпринял. Между ним и его питомцем явно существовала глубокая связь.

- Разбейтесь на пары и займите места в «Василисках». Их водители дадут вам соответствующие инструкции. Начинаем!..

Глава 17. Буря началась.

Каинвуд, разумеется, оказался в паре вместе с Линдом, ибо его номер был следующим после номера друга.

- Наконец-то это свершилось, - Линд с восторгом взирал на железного зверя. – Всегда мечтал управлять танком.

- Ну, это не настоящий танк, - заметил Каинвуд. – И вряд ли тебе дадут порулить.

В глазах Линда светился неподдельный восторг.

- Какая разница. Все же настоящая боевая машина. И на ходу. Хоть посижу за рулем.

Каинвуд вспомнил, как его друг преклонялся перед стареньким Леман Руссом в их ангаре, как он бережно ухаживал и чистил этот сломанный механизм войны, и кивнул.

...В кабине было душно, как в транспортнике, пахло машинным маслом и еще чем-то, химическим, отчего у Каинвуда слезились глаза.

В маленьком неудобном кресле, среди проводов, змеящихся по стенам кабины, сидел водитель в зеленой имперской форме, бронежилете и слегка поцарапанном шлеме. Макушка его почти упиралась в крышу. Линд и Каинвуд с трудом заняли места рядом с солдатом. Технику удалось усесться в такое же, как и у водителя, кресле, созданном, похоже, с той целью, чтобы поиздеваться над бедными людьми. Линд как-то удивительно скорчился под боком. Сам Император знает, как у него это получилось.

- Приветствую, - буркнул пилот. У него были невыразительные серые глаза и такой же скучный взгляд. Скука таилась и в его жестах – сонных, замирающих и никак не могущих наконец прекратиться. Как у механической игрушки, что никак не растратит свой завод и которая вынуждена снова и снова срываться с места, вяло волоча свое металлическое тело по столу на потеху детям.

Гвардеец постукал пальцем по одному из дисплеев. Мерно гудела вентиляция.

-Так. Здесь приводятся данные о состоянии машины. Уровень топлива, повреждения, скорость, уровень радиации внутри и снаружи и тому подобное.

На дисплее светилось трехмерное изображение «Василиска», в углу мелькали какие-то цифры.

Решив, что этого достаточно, он перешел к другому экрану.

- Здесь – связь. Могут запилить видеообращение от командования. Но чаще всего он молчит. Также сей ящик показывает время и парочку мелочей.

Пилот поморщился и потер лоб, покрывшийся испариной.

- Третий и последний. Просто выводит изображение окружающего мира с пары камер, которые могут работать в нескольких режимах – обычном, инфракрасном и нескольких других. Как этим управлять? Управление довольно архаично. Не ждите голографического проецирования, чистокристаллических технологий и прочей магии, - он впервые усмехнулся. – Рычаги, кнопки... Честно сказать, ездить на «Василиске» не тяжелее, чем на тракторе.

Под руководством гвардейца они сделали пару небольших кругов. Линд, несмотря на явные неудобства его положения, получал огромное удовольствие от одного созерцания работающих бортовых систем. Он, как уже говорилось выше, обожал военную технику.

Затем черед рулить дошел и до этого большого ребенка, а Каинвуду пришлось занять место друга. В бок ему уперлась какая-то острая железка, но он терпел и чуть улыбался, наблюдая за товарищем.

Смотря на его счастливое лицо и то, с каким упоением он дергал уродливые рычаги управления самоходкой, Каинвуд понял, что исполнилась главная мечта юности Линда. Что ж, все мечты должны сбываться, рано или поздно.

Но вот «должны» и «сбываются» - разные вещи.

Каинвуд, например, в детстве очень мечтал, чтобы отца, как ветерана войны, забрали в медицинский центр и провели протезирование ног. Он даже строил планы, как пойдет с папой в лес, как они будут наблюдать за семейством звероящеров, как они будут прыгать и резвиться в высокой траве под яркими лучами полуденного солнца. Увы, этому никогда не суждено было исполниться. Он вздохнул - воспоминания, как всегда, явились не вовремя и застали Каинвуда врасплох.

Когда Линд уже вылезал из кресла (к слову, внутри «Василиска», как оказалось, эти два места были предназначены для водителя и командира машины. Гвардеец занимал офицерское кресло, а Линд, соответственно – водительское), внезапно зажегся второй экран. Судя по тому, как поползли вверх брови их апатичного инструктора, для него это тоже оказалось сюрпризом.

На дисплее, прорвавшись сквозь помехи, высветилась фигура того самого комиссара, что выступал с речью в их первый день в Кастро Экзерцитус №107. Его, кажется, звали Эльгхен.

Своими первыми словами он подтвердил свою догадку.

- Говорит комиссар Эльгхен, - голос офицера звучал холодно, но нотки беспокойства явственно проскальзывали в его интонации. «Экипаж» самоходки недоуменно переглянулся.

- Только что орки вторглись с границы. Их передовые отряды идут сюда. Сигнал о нашествии поступил слишком поздно, поэтому никому не терять времени. Всем срочно, повторяю, СРОЧНО занять боевые позиции. Да пребудет с вами Император. Переключаюсь на канал капитана Клайда.

- И что теперь делать? – улыбку с лица Линда как ветром сдуло. Гвардеец пожал плечами. Похоже, он тоже пребывал в легком шоке, судя по выражению ступора на его лице.

Затем водитель, словно ничего сверхординарного и не произошло, произнес почти равнодушным тоном, слушая сообщение капитана:

- Воевать, конечно.

Глава 18. Вкус смерти.

Страх – это одно из немногих чувств, что позволяет, как ни странно, почувствовать себя живым. В моменты наибольшего ужаса понимаешь, что на самом деле сильно привязан к этой земле, несмотря на то, что думал в праздных размышлениях своих сумеречных состояний.

Смотря на бесконечную лавину орков, несущихся с поросшего лесом холма, Каинвуд понял, что очень хочет жить. Что-то кричало ему, – беги, беги отсюда скорей, пока тебя не настигла, не смяла в ничто весь твой хрупкий мир, который перестанет существовать с последним ударом сердца, эта смерть. Смерть хрипло вопиющая, безликая масса агрессивной органики и угрожающего железа, железа изрыгающего огонь, и железа, нацеленного лезвием в твое сердце.

Но усилием воли он остался на месте. Сжав зубы, он нашарил на груди заветный медальон и посмотрел на небо, небо цвета стали. И далось ему это сравнение... Оно уже начинает его преследовать.

Удивительно, как в критические моменты разум помышляет о чем угодно, но только не об окружающей действительности.

Он огляделся. За баррикадами, собранными из толстых стальных пластин с пятнами ржавчины и громадными заклепками, замерли гвардейцы. Многие из них были новичками, и их лица отражали что угодно, но только не желание стоять до конца.

Один и вовсе скинул шлем, отбросил лазган в сторону, и, пошатываясь, направился назад, к орудийным батареям, возле которых суетились солдаты. В холодном воздухе повисло испуганное бормотание гвардейцев, свист ветра, резкое карканье команд, молитва их командира и вопли приближающихся орков. Каинвуд затаил дыхание, наблюдая за тихо посмеивающимся дезертиром.

- Я мертв, - шептал он, хихикая и спотыкаясь. – Я уже мертв...

От этого смеха и слов у техника мороз пробежал по коже. Комиссар в респираторе вскинул болт-пистолет и выстрелил, почти не целясь. Гильза, сверкая и кувыряясь, падала на землю бесконечно долго.

Линд молился. Каинвуд же вспоминал лица своих родных. Против страха он знал одно хорошее заклинание. Любовь.

...Впереди, опережая остальных орков, бежало самое невероятное существо, которое ему приходилось видеть. Закованное в грубую броню, размалеванную красной краской, и украшенную громыхающими при движении цепями, оно утробно рычало и размахивало огромной циркулярной пилой с погнутыми зубцами в одной лапиче и каким-то странным оружием с объемистым барабанным магазином в другой.

А сержант Гелтион все молвил слова молитвы перед боем, погрузившись, полностью растворившись в своем занятии. Взгляд его был пуст, и лицо в серых отблесках вечерних сумерек казалось ликом мертвеца. Каинвуда снова охватил страх. Ему показалось, что все они давно, бесповоротно мертвы и теперь остались лишь их бормочущие бессмыслицу бездушные тела.

Заговорила артиллерия, и через ее грохот все еще можно было кое-как различить речь Гелионта, возвысившего голос, чтобы его могли слышать другие бойцы. Ему вторил комиссар, находящийся рядом:

Жизнь свою отдаю Императору.

Молюсь, дабы принял он ее.

Силу свою отдаю Императору.

Молюсь, дабы ее не лишил меня Он.

Кровь свою отдаю Императору.

Молюсь, дабы утолила она жажду Его.

Тело свое кладу на алтарь битвы.

Молюсь, дабы Он даровал мне благородную смерть.

Молю Его о защите, отдавая взамен все, что меня составляет...

Раздались выстрелы лазганов и стабберов. Орки клином врезались в первую линию обороны и с успехом прорвали её. На острие лавины, раскидывая людей в стороны и беспрестанно паля из своего крупнокалиберного пулемета, бежал тот самый огромный орк в рогатом шлеме с черепом пещерного кверта на лбу. Лучи лазганов злобно впивались ему в грудь, в живот, в бедра, но они оставляли лишь темные пятна на толстой броне чудовища.

Рядовые орки-стрелялы вступили в рукопашную и дрались с яростным ожесточением, щедро орошая землю кровью. Все смешалось. Каинвуд взглянул на противника через прицел своего оружия, а затем посмотрел на Гелтиона, все еще читающего молитвы. Когда он отдаст приказ стрелять?

Император людей, всего на свете благого смотритель,

Тот, чье могущество неоспоримо,

Молим Тебя, спаси нас и сохрани,

От рук наших врагов,

Да одержим верх мы над ними.

Озари к победе нам путь,

Да одержим мы ее во славу

Твоего бессмертного имени.

Защитники первой линии пали. Потряса окровавленными частями трупов, варбосс двинулся дальше, ведя за собой свое грозное, жаждущее смерти войско. «ВВААГХ!!!» неслось над их нестройными рядами. Каинвуд с какой-то нервной усмешкой заметил, что броня многих орков расписана легкомысленным клетчатым узором. Ну и мода у зеленокожих! Его охватило состояние, близкое к истерике. Он засмеялся. Они тут все умрут с минуты на минуту, а он узоры разглядывает...

- Во имя Императора, огонь! – закричал Гелионт, и мир озарился всполохами выстрелов. Каинвуд закричал и, приподнявшись над баррикадой, не обращая внимания на летящие вокруг пули, начал стрелять. Дружный рев гвардейцев встретил врага, вместе с алыми лучами лазганов и снарядами орудий врезаясь в стену неприятеля. Выстрелом автопушки орочьему вожаку раздробило механизм циркулярной пилы, и он, бормоча проклятия, отодрал ее от руки, после чего выхватил из-за спины устрашающих размеров кривой топор.

...Имя свое изреки, разносчик смерти.

Ты даруешь мне жизнь и смерть врагу...

Каинвуд стрелял. Снова и снова. Снова и снова.

Убивать оказалось легко. Слишком легко.

Глава 19. Упоение битвы.

Вокруг рвались снаряды, полыхало пламя и рекой лилась кровь. Густой дым стлался по полю сражения, раздавался звон оружия, грохот взрывов и крики умирающих.

Каинвуд выстрелил навскидку по приближающемуся к нему орку и попал в плечо. Тварь развернуло на девяносто градусов, но, взрыкнув, она продолжила свое стремительное наступление. Из раны тек густой дым, но орку было, похоже, все равно на такую досадную мелочь, как прожженное насквозь плечо. Ожерелье из частью звериных, частью человеческих (орки постоянно грызлись с кочевниками. Доставалось и тем, и другим) костей свободно болталось на его грязной шее, ударяясь о желто-красный железный панцирь, из-под которого струились пучки проводов. Каинвуд невольно запаниковал и, наверное, погиб бы, если бы не неожиданная помощь другого гвардейца, метким выстрелом лишившего орка основной доли мозга, а заодно и злобного алого глаза. Наполовину обезглавленное тело рухнуло в пыль, а следом за ним, спустя пару секунд, последовал и спаситель Каинвуда. Его пробила грубая пуля ксеносов, выплеснув в воздух фонтан горячей крови.

Каинвуд, пригнувшись от вражеского огня, бросился на выручку Артемису, на которого наступало сразу несколько орков. Одного он сразил наповал выстрелом в незащищенную броней шею, а другой, взревев, открыл беспорядочный огонь из своего автомата. Пули так и засвистели вокруг. Вся жизнь Каинвуда пронеслась перед глазами в этот момент, но его товарищ, не сплеховав, саданул орка прикладом, от чего тот даже не дернулся, после чего выстрелил ему под подбородок, прервав ответный удар ксеноса. Жизнь зеленокожего оборвалась.

- Как делишки? – с кровожадной улыбкой спросил Артемис. Таким Каинвуд его еще не видел. С яростным полубезумным огнем в глазах, облитый чужой кровью, вызывавший некогда усмешку большеносый парень теперь же превратился в какое-то иное существо, дух войны.

- Пока жив. Ты видел Линда?

Тут ему пришлось отвлечься – на них напирал какой-то сумашедший орк с двумя изогнутыми лезвиями, примотанным к рукам. По клинкам, обгаренным кровью, пробегали электрические разряды.

- Сдохните! – рычало это создание на низком готике, размахивая своим оружием. Подвернувшийся под удар солдат оказался разрублен пополам. Орк захохотал и прыгнул на техника, но тут, давя зеленокожих и заставляя солдат испуганно отпрянуть в стороны, перед носом Каинвуда пронеслась, фырча моторами, «Химера», один из наиболее распространенных БТР Имперской Гвардии. Орк с клинками на руках оказался сбит. Перекувыркнувшись в воздухе, он с хрустом упал к ногам техника. Одно из лезвий от удара о технику обломилось, но орк оказался живуч, как и большинство представителей своей расы. Он рванулся, волоча сломанные ноги, и навалился на Каинвуда, пытаясь добраться рукой с уцелевшим лезвием до сердца бойца. Второй он схватил Каинвуда за горло. Мужчина посинел, пытаясь сбросить недобитого врага с себя, даже в таком плачевном состоянии представляющего огромную опасность. Ему удалось перехватить вооруженную руку супостата. В трудные моменты всегда хочется в кого-то верить, вот и сейчас он вознес молитву недосягаемому Императору, моля его вывести своего слугу из столь нелегкой ситуации. Второй, свободной рукой Каинвуд в отчаянии ударил орка, выхватив из-за пояса армейский нож. Клинок с легкостью пропорол грубую ткань, войдя чуть ниже массивного нагрудника с клетчатой росписью. Примитивный народ – примитивные узоры.

Орк лишь хрюкнул. Каинвуд выдернул нож и в остервенении нанес еще один удар, чувствуя, как на него рекой хлещет горячая алая жидкость.

- Все равно ты умрешь, - прорычал враг, дыша в лицо Каинвуду смесью перегара и тухлятины. Он сильнее сжал горло техника и дернул правую руку, чтобы освободить ее от хватки гвардейца и покончить с ним. Не вовремя вспомнились рассказы о невероятной живучести орков. Сюда бы болтер... Задыхаясь, Каинвуд вовремя вспомнил о лаз-пистолете в кобуре у пояса. Только бы дотянуться... Перед глазами плясали багровые и черные круги, воздуха катастрофически не хватало.

Одно неловкое движение, и алый луч пережёг занесенную над ним руку орка в области плеча. Может, боли противник и не чувствовал, но против анатомии пойти не мог – в суставе больше не осталось неповрежденных мускулов, способных направить конечность со смертоносным лезвием в цель – то бишь в него, Каинвуда. Рука безвольным кулем повисла, задев кончиком клинка броню мужчины, а орк, зарывав еще яростнее, принялся душить человека оставшейся лапой с удвоенной силой, бормоча проклятия и хрипя.

Когда Каинвуд уже было подумал, что ему приходит конец, ему снова помогли. К затылку орка был приставлен дымящийся ствол, и тот, что-то, видимо, почувствовав, начал с искаженным от злобы лицом поворачиваться. Вспышка, вырвавшийся из лба твари луч, вонзившийся в землю неподалеку от головы Каинвуда, и все было кончено.

Скинув с себя тяжеленный труп, Каинвуд поднялся, потирая шею, и увидел протянутую ему руку в черной перчатке.

- Вставай, брат мой, - сказал Гелтион, и тут же выстрелил куда-то себе за спину. – Вставай и бейся!

Времени удивляться не было. Он послушно встал (будто у него был выбор), и поискал глазами Артемиса. Тот, присев на одно колено за завалом из трупов, сосредоточено расстреливал новую приближающуюся волну орков во главе с меком. Не молчали и автопушки, безжалостно прореживая орды зеленокожих.

Из уст Артемиса доносились знаменитые слова литании войны:

- Император, одари меня Твоим праведным гневом и Твоей яростной силой.

Да стану я бурей, что сметет врагов, оскорбляющих Твой взор.

Парень явно вошел во вкус. Он на мгновение обернулся, когда Каинвуд занял позицию рядом с ним.

- Видел я Линда, - мрачно сказал он, словно вопрос был задан секунду назад. Каинвуд уловил нехорошие нотки в его голосе и спросил, прекращая бег еще одного супостата:

- С ним что-то случилось?

- Он схлопотал пулю в бок.

- Он жив?!

- Да. Хорошо хоть, не чоппой его саданули – иначе заражения крови было бы не избежать.

Мек дико хахотал и, встряхнув причудливую пушку в своих руках, открыл огонь. Из широкого раструба вылетали зеленые энергетические шары, испуская во все стороны сверкающие молнии. Они врезались в позиции Имперской гвардии и взрывались, прожигая зелеными искрами всех находящихся рядом. Орки, ободренные присутствием такого помощника, ринулись в атаку. И все понеслось по новой.

Кроме того, спустя минуту кровавого безумия откуда-то, ломая баррикады, появился помятый, но вполне себе живой варбосс. Топор он успел где-то потерять (бедняге явно не везло с холодным оружием) и теперь орудовал взятым за дуло орудием, как дубиной. В какой-то миг в пулемете у него закончились патроны, и вожак остановился, чтобы заменить магазин (на поясе у него висел целая лента с «блинами» барабанных магазинов). Этим и воспользовался Каинвуд, метнув ему под ноги гранату. Гроыхнуло, и варбосс оглушительно заревел, скорее от ярости, чем от боли. Похоже, близкий взрыв никакого ощутимого вреда ему не причинил.

- Где ты, человечешко? – громовым голосом спросил он, и все невольно повернули головы на звук. Кому-то это стоило жизни. – Я тебя не вижу. Кто хочет со мной побеседовать?

Внезапно Каинвуд понял, что рядом никого нет – все были либо мертвы, либо ушли биться в другое место, подальше от кошмарного орочьего лидера. Причем даже сами зеленокожие, как заметил техник, старались не попадать варбоссу под горячую лапу.

- А, вот он ты где, - обрадовался орк-великан и внезапно улыбнулся. Эта улыбка на огромном уродливом лице, а вернее сказать, роже, смотрелась чужеродно и неестественно. Он отбросил свою импровизированную дубину и пророкотал:

- Не перевелись еще смельчаки у людишек. Я сделаю тебе честь, букашка – раздавлю тебя сам.

С этими не внушающими радость словами варбосс семимильными шагами стал надвигаться на растерявшегося Каинвуда.

Ему показалось, что в грязном воздухе битвы он ощутил тонкий аромат духов. Бред, конечно, галлюцинации истерзанного страшными сценами сражения разума, но на мгновение Каинвуд внезапно увидел за спиной орка хрупкий силуэт Винн. Она чуть улыбнулась ему, и внезапно мир снизошел на Каинвуда. Он перестал пятиться и без уже страха взглянул на приближающегося варбосса. Он вскинул лазган, и орки, наблюдающие за этой сценой, разразились издевательским улюлюканьем.

- Запихни его себе в... - начал вожак, но Каинвуд, нажав на курок, так и не узнал, куда ему предлагали поместить его оружие. Алый бездымный луч вонзился прямо в глаз вождя ксеносов, с шипением испаряя плоть.

Варбосс завыл в и начал стрелять во все стороны, выбивая из земли фонтаны камня. Каинвуд (да и многие из орков, что были поумней) бросился на рокритовые плиты, спасаясь от пулеметного огня.

- Так его, воин! – закричал внезапно возникший из ниоткуда комиссар, потерявший в пылу боя свою знаменитую фуражку. Присев за остатками баррикады, торчавшими из земли, как гнилые зубы звероящера, он тщательно прицелился в обезумевшего монстра из болтера «Милость Императора».

- ...Даруй мне взор орла, покой морского бриза, умиротворение святого, способность издалека убить врага, - проговорил вполголоса комиссар, но техник его услышал.

Каинвуд затаил дыхание...

Короткая очередь, и голова варбосса взорвалась вихрем алых брызг. Без единого звука, сделав еще несколько неуверенных шагов, безголовое тело рухнуло ничком, зазвенев броней и приделанными к ней цепями.

Орки дрогнули. Огрызаясь длинными очередами по начавшей контратаку имперской Гвардии, они начали отступать по руководством того самого мека.

Каинвуд вскочил на ноги и тоже бросился на врага, чувствуя небывалый подъем. Ничто не сравнится с яростным упоением битвы - ни сладкий туман дурман-травы, ни плотские наслаждения... Никакие удовольствия мира, вместе взятые. Наравне со всеми он вопил во всю силу легких, прыжками преодолевая пространство, разделяющее их от врагов, и стреляя на бегу:

- Раздавить гадину!

Сокрушить врага!

Во имя Императора несем мы смерть!

Орки не выдержали и дрогнули. С воплями они ринулись обратно, к лесу, но не тут-то было: из-за группы строения показался первый лендрейдер, за ним второй... Между ними степенно, неторопливо, как сама Смерть, шли закованные в силовую броню фигуры космодесантников.

Танки выглядели так, словно только что из боя – а скорее всего, так оно и было. Видимо, орки наступали сразу в нескольких местах, и Астартес до сей поры сражались на другом фланге.

Темные Ангелы, Ангелы Смерти, шли, щедро одаряя врагов огнем своих красно-стальных болтеров, и ничто, никакая сила на свете, казалось, не могла остановить их. Орки бежали, падали, вставали, снова падали, и никому из них в тот день не удалось избежать гибели.

Сыны Леона Эль Джонсона истребили их всех.

Глава 20. Тем временем дома...

- Иди завтракать!

Ассир потрепал Глора по загривку и крикнул:

- Иду, уже иду!

Вейн завиллял хвостом, затем подозрительно принюхался, поведя розовым носом. Учужал еду, хитрец. Гребень на его спине постепенно окрасился в синий цвет. Ассир до конца не разобрался в закономерности изменения окраски спинного гребня вейнов, но подозревал, что синий цвет означал заинтересованность, красный – голод, а фиолетовый – раздражение.

За столом уже сидела мама, держа на руках умиротворенную Эсси с пустышкой во рту, а рядом пристроился Лео, за обе щеки уплетающий кашу. По потолку меланхолично полз Паук, здоровая мохнатая тварь с загадочно блестящим полумесяцем глаз на приплюснутой голове. Сколько Ассир себя помнил, он жил в этом доме всегда. Юноша мог отдать руку на отсечение, что это существо специально выползло на свет, когда в комнате появлялись люди, чтобы понаблюдать за ними. Однажды за печкой он обнаружил нанизанные на толстую нить паутины высушенные головы насекомых. Именно эта находка и заставила его взглянуть по-новому на старого обитателя их дома. Ассир задумчиво ковырнул неаппетитный серый комок на своей тарелке, после чего принялся за еду. Мама говорила, что это полезно есть по утрам, а парень имел обыкновение ей верить.

Сегодня она была как-то особенно грустна и тиха. Ассир обратил на это внимание и спросил, жуя кашу:

- Ты сегодня какая-то слишком мрачная. Что-то случилось?

Мать вздохнула и легонько погладила спящую дочь.

- Плохой сон приснился.

- Про папу?

Она кивнула. Ассир нахмурился. С тех пор, как отца забрали в Имперскую Гвардию, от него не было ни слуху, ни духу. А ведь прошел уже почти месяц! Где он, что с ним? А ведь за это время случилось многое. Поговаривали, что на границе заволновались орки, что одно из племен кочевников, особенно часто нападавшее на эти края, было поголовно истреблено силами Хаоса. Вроде бы последняя новость была не такой уж плохой, но Ассиру как-то было спокойнее, когда рядом обитали дикари, а не демонические войска прямоком из Ока Ужаса.

- И что в этом сне...

- Нет, Ассир. Если сон не рассказывать, то есть вероятность, что он так и останется за гранью ночи, среди других ложных теней.

- Да, я знаю это суеверие, - неохотно сказал юноша. В приметы он не верил, в чем был похож на дядю Каина, друга отца и их семьи. Каин вообще был очень странным человеком. Замкнутый в себе, угрюмый техник был отличным предметом сплетен и слухов. Впрочем, чего только не обсуждали вечерами на деревенской площади старожилы.

Лео поднял голову на брата и сказал:

- Ты веришь, что папа сдержит обещание?

Ассир задумался, почесав подбородок, на котором уже пробивался первый пушок. Он часто воображал, как отпустит длинную густую бороду, ну, как у Эла. Ведь это так мужественно! Отец посмеивался над его мечтой и говорил, что в бороде весьма неэтично застревают крошки.

- Да, верю, - несколько резко ответил Ассир и отложил ложку. – Спасибо.

Мама шмыгнула носом и сказала необычно тонким голосом:

- Не за что. В хлебнице вы с братом можете взять печенье.

- Ура! Печенье! – Лео вихрем вскочил со своего стула, едва его не опрокинув, и Ассир улыбнулся. Да, иметь младшего брата порой бывает хлопотно, но оно того стоит.

Подоспел Глор и привычно стал тереться об ноги, выпрашивая еду. Ассир вывалил ему в миску банку просроченных рыбных консервов и направился к двери.

- Ты куда? – спросил Лео, набивая рот печеньями с отрубями. – Вот, держи одно!

Он кинул ему одну штуку лакомства, и Ассир с легкостью его поймал.

- Пожалуй, я загляну к Дане, - сказал парень, откусывая печенье. Оно просто таяло во рту.

- Жених и невеста! – радостно закричал мальчик. Как и все дети, он быстро забыл свои мрачные думы и переключился на другое.

- Заткнись, - беззлобно сказал Ассир и вышел из дома.

Дана являлась его давней хорошей знакомой и жила по соседству, в многодетной семье пожилого фермера и его жены. Тихая и скромная девушка, она вызывала в сердце Ассира какое-то необъяснимое волнение. Имея удивительное очарование и миловидные черты лица, она могла покорить любого одним взглядом прелестных лучистых глаз, и юноша, хоть сам не мог себе в этом признаться, давно пал жертвой ее чар.

Солнце тускло светило через пелену облаков. Мимо Ассира пролетела здоровая иссиня-черная стрекоза, и эта встреча почему-то показалась ему нехорошим знаком. Это относилось к разряду тех неясных предчувствий, что поднимаются из самых глубин человеческого разума и которые почти невозможно логически обосновать. Вот и гадай – то ли мимолетное наваждение было порождено рядом ассоциаций, то ли действительно являлось отголоском неких тревожных событий.

Ассир потрянул головой и увидел перед собой довольно большой (по меркам Забугорья) дом. В окнах мелькали быстрые силуэты – то играли в какую-то игру многочисленные дети семейства Даны. Она не была родной здесь – ее удочерили, когда она была совсем маленькой. Мать и сестра ее скончались от бушевавшего в те годы вируса, а отец, еще раньше, сгорел во время лесного пожара.

Помедлив, юноша взошел по ступеням крыльца. Отчетливо стал слышен веселый беззаботный смех и громкое «Та-та-та-та!». Видимо, дети играли в войну. Их отца не забрали в Гвардию по причине преклонного возраста, вот и в доме, в общем-то, не было повода для беспокойства. А нависшая угроза Хаоса – что ж, они всегда жили в некотором опасении. Боялись кочевников, боялись орков, боялись неурожая... Все считали, что как-нибудь пронесёт и на этот раз.

Дверь с размаху отворилась, едва не стукнув Ассира по лбу, и наружу вывалился радостный неудержимый вихрь, врезавшийся в опешившего от неожиданности парня.

- Ой! – сказали шесть посерьезневших мордашек. Ассира дети почему-то уважали. То ли потому, что он научил их ловить стрекоз, в изобилии водившихся в этих местах, и множеству других полезных дел, то ли за то, что он являлся сыном техника, вечно мастеровившего детям разные механические игрушки.

- Привет, - дружелюбно сказал он. – Дана дома?

Братья и сестры тут же кинулись наперебой, размахивая руками и пытаясь перекричать друг друга, рассказывать ему о местонахождении девушки. Ассир послушал, послушал и царственным жестом призвал их к молчанию.

- Может, скажет кто-нибудь один? - спросил он, и вперед выступил Тарв, наиболее старший из всей разбойничьей шайки. В одной руке у него было крепко зажат игрушечный болтер, а в другой – деревянный меч.

- Она у ручья, - сказал мальчуган. – Белье стирает.

Кто-то из детей подал вояке ранее упавшую, видимо, фуражку с имперским орлом, и он нахлобучил ее с важным видом. Ассир подавил желание расхохотаться – ни дать ни взять, настоящий комиссар!

- Благодарю вас, сэр, - сказал он и отдал честь, после чего поспешил к границе села, туда, где у подножия холма тек ручей, прозванный за обилие росших на берегу деревьев кеан Белой Рекою (дело было в том, что по весне кеан обретают белоснежные воздушные цветки. Они отделяются от ветвей и начинают скитаться по воздуху, как пух. Часть из них неизбежно оказывается в ручье из-за того, что ветви деревьев нередко склоняются низко к воде. Зрелище плывущих белоснежных ажурных «корабликов» и дало название ручью). Скоро он увидит Дану. Он не встречался с ней всего один день, занятый работой по дому, но уже успел соскучиться по ней, по ее разноцветным, как у Эсси, глазам.

«Парень, - сказал он себе, - «Пора тебе признаться. Кажется, ты влюбился».

Светило солнце. Играли дети. Молодой человек, нарвав на лугу цветов, шел к ручью на

встречу с прекрасной девушкой. В это же время, совсем неподалеку от этого светлого места, копил силы враг. Культисты хаоса пили человеческую кровь, орки смазывали ядом свои чоппы, а кочевники зализывали раны, готовясь напасть, когда силы городов и поселений будут слишком ослаблены войной, чтобы сопротивляться. А Паук плел кружево Тревог. Он тоже чувствовал приближающуюся эпоху Смерти...

Глава 21. Предчувствие.

Ассир своей тихой охотничьей походкой подошел к ручью, мерно журчащем под сенью деревьев кеан. На его берегу, купаясь в лучах солнечного света, сидела, как и сказали малыши, Дана. Она стирала белье, напевая чистым мелодичным голосом одну из древних песен этого края, и юноша невольно заслушался, замерев на месте. Казалось, что вся природа так же застыла, очарованная дивным голосом прекрасной певицы, который гармонично вплетался в шепот ручья и словно бы приносил в окружающий мир торжественное спокойствие и какую-то особую гармонию. Кеан чуть покачивали своими головами, вслушиваясь в чудесную мелодию, а Белая Река аккомпанировала Дана застенчивым журчанием хрустальной воды.

...Ветер развеет наши сказания,
В пыли веков растворятся они.
Мы не забудем лишь былые страдания,
В память о них остаемся сильны.
С новой весной к нам приходит надежда,
В наших сердцах разжигает огонь.
Дождь оmyвает людские одежды,
Радость в глазах оставляя, как сон.
И мы выбираем небо стальное,
Бог-Император охранит нас от бед.
Клубятся тучи; время иное
Близится вновь; догорает рассвет.
Но не сломить нас могучей грозой!
Гром не поставит народ на колени.
Предначертанные беды судьбою
Пройдем сквозь туман и хищные тени.

Ассир подобрался поближе, стараясь не шуметь. Сердце его билось пуще прежнего. Прежде он никогда не слышал, как Дана поет. Видимо, она от всех скрывала свой необыкновенный дар по каким-то личным причинам... Или просто из-за скромности. А что, с нее станется.

Дана его так и не услышала, и Ассир улыбнулся. Значит, его шаг действительно стал почти бесшумным, как и учил Рагуэл, старый охотник – слух Даны был просто феноменальным.

Он склонился над девушкой и закрыл ей глаза ладонями. Тихий испуганный вздох вырвался из ее груди, и она чуть не выронила в воду платье, которое стирала.

- Ассир, - сказала она укоризненно, обернувшись, и парень устроился рядом на плоском камне, спугнув какое-то рогатое насекомое.

- Прости, - сказал он. – Но я не смог удержаться. А вот это тебе.

Ассир протянул девушке собранный по дороге букетик. Цветы приятно благоухали полевыми ароматами. В их запахе было что-то дикое, неукротимое, что-то, по чему какая-то часть души юноши втайне тосковала всю жизнь.

- Спасибо. Красивые...

Было видно, что Дана чем-то смущена.

- Ты слышал, как я пела? – спросила она и покраснела. Ассир поднял маленький камень, подбросил его на ладони и запустил в ручей. От него шарахнулось несколько маленьких прозрачных рыбок.

- Да. И мне очень понравилось. Не понимаю, почему ты никогда не пела на людях.

- С детства меня учили не быть тщеславной, - сказала Дана. Ассир повернулся к ней:

- Это не тщеславие. Вон, Рагуэл прекрасный охотник и рыболов. Он берет себе учеников. Скажешь, он поступает дурно? Или другой пример. Вайрад хороший художник. Его работы на Ярмарке покупают люди из других городов, а порой даже из столицы. Проявлять свои таланты – не тщеславие. И к тому же...

Ассир задумчиво посмотрел на обломок, который поднял с земли. Дана тем временем закончила стирку и села, обхватив руками колени. В этот момент с нее можно было ваять скульптуру или картину – настолько грациозной, настолько легкой и восхитительно-великолепной, великолепно-восхитительной была девушка в этот момент.

- К тому же ты ведешь себя просто эгоистично.

- Почему? – искренне удивилась Дана. Ассир приготовился было швырнуть осколок в Белую Реку, но что-то удержало его, и юноша стал соскребать с находки слой засохшей грязи.

- Разве другие люди не заслужили того, чтобы насладиться твоим голосом? Ты же слушаешь заезжих музыкантов, причем они играют, ничего не требуя взамен. То есть, они, конечно, рассчитывают на некое вознаграждение, но каждый волен выбирать, бросить монету-другую или нет. Или Трайв, да будет земля ему пухом. Я знаю, что в детстве этот мудрый скрипач был твоим кумиром. Ты часто подкрадывалась к его дому и подолгу слушала, как он музицирует, ибо не могла дождаться вечера, когда он соберет на площади слушателей и начнет игру, полную невыразимой тоски или же, наоборот, безудержного веселья, в зависимости от посещавших его в тот момент чувств. Так почему ты лишаешь других людей удовольствия? Почему бы тебе самой не подарить им чуточку... Чуточку света?

- Возможно, ты прав, - Дана нахмурилась. – Если честно, то с этой стороны я никогда не смотрела. Возможно, стоит попробовать...

- Безусловно стоит! Хм.. Посмотри – по-моему, это деталь сервочерепа!

На ладони Ассира лежал блестящий кусочек металла, очертаниями напоминающий глазницу. В центр ее было вставлено что-то вроде моногля.

- Интересно, сколько он здесь пролежал? – мечтательно спросил Ассир. – Здорово, если осколок покоился тут еще со времен Кеанра и его Воинов-Теней.

Рассматривая неожиданную находку, они оказались очень близко друг к другу. Ассир почувствовал ее дыхание на своем лице и неожиданно для себя смутился. Парень почувствовал, как полыхают его щеки и почему-то уши, поднял глаза на Дану и с ужасом понял, что она тоже смотрит на него. Тысячи мыслей пронеслись в его голове сияющим составом, замкнувшись в ленту Мебиуса и растворившись во вкусе ее губ.

Десяток секунд спустя они оторвались друг от друга, до крайности смущенные. Ассир с тоской подумал, что их с Даной отношениям уже никогда не быть прежними. Раньше они были просто хорошими друзьями... а теперь?

Во взгляде Даны читался испуг, когда он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки. Она чуть подалась назад, и Ассир с притворным недоумением осмотрел свои ладони, затем провел ими по лицу.

- Я превращаюсь в вурдалака? Скажи честно! Я что-то чувствую! – с деланным ужасом воскликнул парень, и Дана не выдержала и рассмеялась. Ассир вздохнул с облегчением – обстановка была разряжена. Он подошел к девушке и сказал:

- Только никому ни слова, хорошо?

И подмигнул ей. Она робко улыбнулась ему в ответ.

- Это будет наша тайна, - добавил он.

Держась за руки, они двинулись к селу. Лишь на подходе к Забугорью они расцепили ладони, чтобы никто не догадался об изменении в их отношениях. Проблема была в том, что Ассир не знал, как отреагирует на это приемный отец Даны. Может, положительно, а может... Чем демоны не шутят.

В душе его разливалось живительное счастье, и судя по сияющим разноцветным глазам девушки (один был зеленым, другой синим), она испытывала похожие чувства.

Войдя в село, они сразу поняли, что что-то не так. Людей почти не было видно, и те, кого они встречали, куда-то спешили. Ассир остановил одного из них, полного фермера со смешным именем Фук, и обратился к нему:

- Да не коснется тень вас! Не подскажите, что здесь происходит?

Мужчина достал из кармана жуткого вида платок, навевающий мысли о древности, трубно высморкался и сказал гнусаво:

- Старик Хагенстон доигрался.

- А что такое? – спросила Дана. Хагенстон был тем еще типом. Жил он на отшибе, ни с кем не общался, и в народе ходили смутные, но упорные слухи о том, что он еретик. Впрочем, подобные предположения бытовали о многих нелюдимых поселянах, и особого внимания им не уделяли. А

из-за того, что Хагенстон исправно посещал церковь и вообще был примерным тружеником, на него всего лишь недоверчиво косились, и не более того.

- А вы не знаете? – удивился Фук и снова высморкался. Да уж, насморк – не радость. – В общем, парочка Имперских гвардейцев, оставшихся охранять село, возвращались затемно после бурного вечера в трактире и один из них отошел по нужде. И нужно же было попасть именно в то место, откуда было прекрасно видно, как Хагенстон тащит труп к топям (рядом с селом находились болота).

- Так исчезновение Селра – его рук дело? – воскликнул Ассир. В Забугорье и до этого случались пропажи людей, но преступника не находили. Все сваливали на хищных тварей из леса, порой появляющихся в этих краях, чтобы полакомиться людьми. В старые времена, говорят, их было гораздо больше. На окраине Забугорья до сих пор сохранилась заржавленная автопушка и остатки баррикады, за которыми защитники села держали оборону от ночных монстров.

- Да, - важно кивнул Фук.

- И что же случилось дальше?

- Гвардейцы погнались за Хагенстоном. То есть тогда, конечно, они еще не знали, за кем – было темно, да и старика этого они и вовсе вряд ли до этого в глаза видели, - Фук бросил взгляд через плечо, зачарованно рассматривая высокую представительную даму, тоже куда-то торопящуюся. – Ну так о чем я. Ага. Преступник бросился улепетывать, и ему удалось уйти. Видимо, он знал болотные тропы... Тело несчастного сапожника Хагенстон утопить не успел, и рядом обронил свою шляпу с узорчатой пряжкой. Мы долго спорили, кому принадлежал сей предмет, и сегодня какой-то торгаш опознал ее. По словам парня, он сам продал ее Хагенстону на рынке не далее, как неделю назад. Недолго же ублюдок носил обновку!

Во время наших споров о шляпе Хагенстон постоянно увивался рядом, и как только он понял, что его разоблачили, то сразу скрылся в своем доме, который, кстати, оказался неплохо укреплен, и пригрозил каждому, кто подойдет ближе, чем на полсотни метров, прострелить башку. Шустро для старичка, разменявшего шестой десяток! Теперь солдаты готовятся к штурму. Учитывая, что их добрая дюжина человек, безумцу долго не продержаться. Если он вообще сколько-нибудь продержится...

- И все село, как я понимаю, собралось поприсутствовать при этом увлекательнейшем действии, - сказал Ассир. Дана поочередно взирала то на Фука, то на него, и хмурилась.

- Что-то тут неладно. – сказала она. – Мое сердце почему-то не на месте.

- Расслабься, девочка, - хохотнул фермер. – Гвардейцы надают по морде этому психу и прилюдно казнят. Если, конечно, не изрешетят при штурме.

Дана кивнула и снова закусила губу, что означало ее волнение.

Ассир вспомнил черную стрекозу и посмотрел вслед удаляющемуся Фуку. Как ни странно, его тоже обуревали неясные предчувствия.

- Ты права. Этот Хагенстон не так прост, - сказал он девушке. – Он еще удивит всех какой-нибудь выходкой... Смертельно опасной выходкой.

Глава 22. Приход Хаоса.

- Последнее предупреждение! – орал в вокс капитан, буравя взглядом одинокий дом на взгорье, мрачный и чужой в этом месте, как хищная тварь в цветущем саду. Из провалов окон на них угрюмо взирала темнота. – Приказываю выйти из строения с поднятыми руками, иначе мы начнем штурм!

Ответа не последовало, и гвардейцы, ухмыляясь, переглянулись. Их явно радовала предстоящая потеха. Еще бы! Почти месяц даже без намека на какое-либо интересное событие, лишь неясные отзвуки вестей с фронта, которые только подогревали нервное возбуждение.

Ассир стоял поодаль, со все возрастающей тревогой взирая на неспешные приготовления к атаке. Солдаты, да и их командир, вели себя расслаблено и явно ожидали что-то вроде легкой прогулочки, а не боя. Умом парень понимал, что спятивший старик ничего не сможет противопоставить десятку хорошо вооруженных бойцов, но... но все же что-то мешало ему в это поверить.

- Выдвигаемся, - приказал капитан, и гвардейцы, прикрывшись железными щитами, разделились на три группы, после чего осторожно, но решительно зашагали к дому Хагенстона. Ветер тоскливо выл в кронах деревьев, срывая с них желтеющие листья и неся какой-то мелкий мусор, неприятно колющий глаза. Близилась осень, урожай раки медленно, но верно созрел и наливался золотом на обширных полях. Скоро уже и День Песни Жатвы, весёлый праздник, в ночь которого люди жгли костры, водили хороводы и пели гимн Жатвы. Он был длинен, торжественен и нёс в себе дух святой древности, голоса их предков, некогда тоже певших гимн под сияющими лунами Серой Пустоши. Именно Песня Жатвы обеспечивала связь старого и нового, прошлого и грядущего, подходящего к концу года и его преемника.

Но... Останутся ли на этот раз те, кому предстоит ее исполнить?

Вокруг дома, на почтительном расстоянии, собралась порядочная толпа любопытных людей и семей погибших от руки Хагенстона, жаждущих справедливого возмездия.

- Смерть убийце! – кричал кто-то из собравшихся, и ему вторили другие разгневанные голоса:

- Сжечь еретика!

- Четвертовать ублюдка! Привязать к тракторам и четвертовать!

В старину нарушивших Слово Закона прилюдно четвертовали лошаадьми. Но та эпоха кончилась, надобность в подобной жестокости отпала, а лошади постепенно исчезли (раньше они были нужны для сельскохозяйственных работ и в качестве ездового и грузового транспорта. Но вот уже почти сто пятьдесят лет назад произошла обширная механизация Серой Пустоши, слава Омниссии, и нужда в этих животных отпала). Но неужели старые порядки возвращаются? Неужели снова будут казнить, отвечая кровью на кровь, злобой на злобу?

Ассир не сомневался, что если Хагенстона возьмут живым, то непременно предадут какой-нибудь лютой и жестокой смерти, до которой только способны будут додуматься старосты Забугорья. Не могло ли случиться так, что эта смерть повлечет за собой другие, не менее жестокие? Насилие всегда порождает только насилие, так уж заведено. Не могли ли поступки Хагенстона раскатать маятник террора? Уже долгое время в их краю не совершалось никаких громких преступлений. Была, конечно, пьяная драка, один из участников которой отправился в мир теней, но... Это было одно, а теперь же они поймали зверя. И что делать с этим зверем, будут решать те, кто приютил под боком чудовище, улыбался ему при встрече и обменивался с ним приветствиями.. И вряд ли их решение будет милосердным. Люди не терпят, когда их так обманывают.

... Окно дома с грохотом распахнулось, и наружу высунулось угрожающего вида трехствольное орудие. Да у него там пулемет!.. Но откуда, черт возьми, у обычного фермера такое оружие?

И нехорошее подозрение закралось в душу Ассира...

Зрители сего действия мгновенно попрятались за стволы деревьев и обломки каменной ограды. Глухо и злобно застучал стаббер, выплевывая рой свинцовых пчел. Пули засвистели в воздухе, застревая в толстых броне-щитах гвардейцев и с глухими шлепками увязая в древесных стволах.

Многие из тех, что собрались на площади, были уже не рады, что пришли. С ужасом в глазах они отползали подальше от безумного стрелка и его машины смерти.

Заметив, как совсем рядом из земли поднимаются фонтаны пыли, Ассир повалил Дану за остатки старой ограды и упал следом. Одна пуля чиркнула по его плечу, оставив глубокую царапину. Он вскрикнул от обжигающей боли, но тут же взял себя в руки.

- Нужно выбираться отсюда, - прошептал Ассир. – Кто же знал, что у этого урода тяжёлый пулемет?! Дана? С тобой всё в порядке?

Дана кивнула, но в ее изумительных глазах притаился ужас. Ассир погладил ее по волосам и осторожно выглянул из-за укрытия. Хагенстон все стрелял. Хлесткие очереди ударами тяжелого кнута ложились на землю, достигали людей, высунувшихся из-за камней или пытавшихся убежать, и разрывали их в клочья.

Один гвардеец уже лежал без движения в луже крови, а рядом валялся изрешеченный пулями щит. Пятеро его других товарищей, скрипя зубами, распластались на земле и отстреливались из лазганов. Бросить гранату у них возможности не было.

Но старик, прижав шквальным огнем две штурмовые группы, безнадежно упустил третью во главе с командиром. Три человека, крадучись, подошли к окну. Командир, ругаясь, разбил прикладом стекло и выдернул чеку из гранаты.

Давай же... Взорви этого психа!

Но тут Ассир внезапно понял – сейчас что-то произойдет. Что-то весьма неожиданное.

Пулемет замолк – видимо, перегрелся. Из окна потянулась тонкая струйка дыма. Капитан замахнулся для броска...

И внезапно землю сотряс страшный толчок. Поднявшиеся было солдаты снова упали, а командир выронил гранату. Вопя, он откатился в сторону, но это, увы, его не спасло. Равно как и его товарищей. Раздался взрыв, оросивший кровью воздух. Три человеческих тела так и остались лежать на холодной земле около дома, в котором тем временем творилось что-то страшное. Вспышки inferнального света вырывались из окон, земля дрожала словно бы от ужаса. От строения потянулись пылающие трещины. Пятясь, оставшиеся в живых гвардейцы начали отступать. Один из них громко, почти истерично, просил по воксу подкрепление, другой же истово молился Императору, целясь в эпицентр непонятного явления.

Дана испуганно прижалась к плечу Ассира, и он приобнял ее, успокаивая. Парень почувствовал её живое тепло сквозь тонкую ткань одежды, ощутил биение её хрупкого девичьего сердечка, и поклялся, что защитит её даже ценой собственной жизни.

- Что это? Что происходит? – спросила девушка, всхлипывая.

- Я не знаю. Пойдем отсюда. Скорее!

Они встали на ноги. Ассир помог подняться Дана (земля по прежнему мучительно сотрясалась) и обернулся на дом Хагенстона. Тот начал медленно рушиться. Куски стен с хрустом отваливались

и в клубах пыли падали вниз. Крыша давно просела, и лучи странного фиолетового света стали еще ярче.

А потом строение со стоном невыносимой тоски рухнуло, и из сияющего тумана вышли удивительные твари. Их тела чуть светились, а глаза горели голодным огнем странной алчности и нечеловеческой злобы. Злобы, способной уничтожить все и вся.

Они шли, держа в руках алые пылающие мечи, и оглушительно рычали, радуясь приходу в этот мир. Пропорции они имели какие-то угловатые, из спины, как у дикобраза, торчали чуть шевелящиеся шипы, а руки оканчивались длинными изогнутыми когтями. По хитиновому панцирю прокатывались волны изменчивых иероглифов, у некоторых из глазниц на ужасных мордах торчали закрученные рога, а хищные беззубые пасти с кривыми зубами-иглами плотоядно шелкали.

Хаос наступал. Кто осмелится бросить ему вызов?

Глава 23. Вперед, в неизвестность.

...Гвардейцы опомнились и начали стрелять. Одна тварь, бредущая к людям, словно споткнулась и упала лицом вниз на опаленную траву, после чего ее тело взорвалось отвратительно пахнущим клубом дыма. Но существ было всё ещё очень много. Слишком много.

Самое крупное и уродливое чудовище, верховящее всей стаей, прыжками двинулось на встречу солдатам, потрясая головой Хагенстона. За ним ринулись остальные, и земля горела и стонала под их когтистыми ногами. Это были идеальные воплощения хищника – неуловимо быстрые, беспощадные и пугающе чужие. Их движения были не лишены даже некоторой грации...

Видя, что Дана зачарованно уставилась на эту картину, впав в состояние, близкое к кататоническому ступору, Ассир повернул голову девушки к себе и прошептал:

- Не смотри. Не нужно. Идем - нужно предупредить наши семьи.

Вслед им летели крики разрываемых на части людей... Наверное, именно такая симфония и звучит в аду.

И вот они несутся по главной улице Забургья, мимо растерянных, насмерть перепуганных людей, молясь: только бы успеть!

- Бегите! Хаос скоро будет здесь! – кричали Ассир и Дана каждому встречному, но находящиеся в смятении люди редко следовали их совету.

А за спиной по-прежнему слышались вопли невыносимой боли и рёв дорвавшихся до свежей крови демонов. То, что это были демоны, он не сомневался. Говорить о них было строжайше запрещено, но собираясь вечерами у лесного костра, вдали от посторонних ушей, охотники частенько рассказывали разные жуткие истории. Которыми непременно заинтересовалась бы Инквизиция, прознай о них. Они были разные, начиная легендами об охотящихся в ночи и заканчивая байками о стремительных страшных убийцах из мира вечной Тьмы, которых призывали колдуны. Видимо, Хагенстон был одним из них, и убивал людей для того, чтобы вершить свои черные обряды. И последнее его деяние оказалось фатальным. Или так и было задумано Хагенстоном? Конечно, он не учел своей смерти, но все же...

Что, если демоны – лишь авангард? Или отвлекающий маневр?

Мимо пронесся транспортник с группой быстрого реагирования. Ревя мощными моторами и подсакивая на ухабах грунтовой дороги, машина пронеслась, едва не сбив Ассира и Дану, вовремя отскочивших на обочину. Тревожно завывла сирена...

Они приблизились к дому Даны. Навстречу им уже спешил глава семейства, одетый в перепачканный землей рабочий комбинезон – всеобщее безумие оторвало его от работы. На крыльце толпились ничего не понимающие дети.

- Береги себя! Встретимся около нашего озера! – крикнул он девушке, и она, кивнув, бросилась к своей семье. Сердце Ассира сжималось от дурных предчувствий, которые, подобно рою злато-ос, жестоко жалили его, отравляя едким ядом его душу.

Переведя дух, он бросился бежать. Тут заговорили автопушки: кто-то пытался прорваться через блокпост. И кажется, Ассир знал, кто.

Культисты хаоса, улучив момент, воспользовались хаосом в поселении и напали. Как выстоять перед силами тьмы?!

Он зашептал молитву Императору, спеша со всех ног по пыльной дороге, и это, как ни странно, помогло ему немного успокоиться. Ассир взлетел по ступеням и забарабанил в дверь своего дома, на которой, покачиваясь, висел защитный амулет в виде двух сцепленных полумесяцев.

Ему открыла перепуганная мать с плачущей Эсси на руках. За ней съежился Лео, который был не в лучшем состоянии, чем родитель. Рядом вился Глор, гребень его был черным, а синеватая шерсть стояла дыбом.

- Нужно уходить, - сказал он, а сам протиснулся мимо матери и брата в проем, наступив на хвост негодующе взвизгнувшему вейну.

- Ассир, что...

- Нет времени объяснять, - ответил юноша, снимая со стены длинноствольную винтовку, с которой ходил на охоту. Затем он взял перевязь с метательными ножами и патронташ. - Скажу только то, что нам всем угрожает огромная опасность, если мы останемся здесь.

Мать все сразу поняла и тихо спросила:

- Но куда мы отправимся? У нас нет дома, кроме этого.

- Что-нибудь придумаем, - неуверенно сказал Ассир. Он задумался над этим и понял, что им действительно некуда идти. Как и друним беженцам. – Пока главное – убраться отсюда. Я думаю, ничего брать с собой не нужно. Пойдем налегке.

- А лекарства? А провизия? Кто нас этим обеспечит? А если что-то случится с Эсси и ей потребуется лечение?

Ассир кивнул, соглашаясь. В это время он доставал из ящика старенький стаббер, который отец называл «калашников» или как-то так.

- Хорошо, только быстрее!

Лео все это время молча стоял рядом, машинально поглаживая Глора. Это было на него совсем не похоже. Видимо, братишка совсем напуган. Да уж, эти ужасные крики и суэта кого угодно доведут до такого состояния.

Вооружившись, наполнив сумку обоймами для автомата и кое-какими полезными мелочами, Ассир разыскал мать и протянул ей винтовку с патронташем:

- Держи. На всякий случай.

- Линд учил меня стрелять из нее, но...

- Бери, мам! – взмолился юноша, оборачиваясь к окну, за которым раздалась серия мощных взрывов, из-за которых стекло отчаянно задребезжало. Мать неуверенно закинула за плечи оружие, надела ремень с патронами и поспешила за Эсси, которую на время сборов оставила в кровати. Ассир с тоской посмотрел ей вслед. Теперь вся ответственность за их жизни на нем. Он не переживет, если с ними что-то случится. Он *должен* их уберечь. Это *его* миссия. И к тому же он не мог обмануть ожидания отца, оставившего его за главного на время своего вынужденного отсутствия.

Именно в семье он черпал силы в трудные минуты. И сейчас, перед лицом истинного ужаса со стороны Хаоса, он не боялся по одной причине – его близкие были рядом с ним. Кроме отца. Он очень скучал по нему и страшно волновался – всё-таки шла война, и могло случиться все, что угодно. Еще вчера Ассир больше всего на свете желал, чтобы с папой все было в порядке. Сегодня он молился уже за обоих своих родителей, за брата и малышку-сестру, и пытался заставить себя поверить, что Император слышит их молитвы. Хотя в последнее время ему иногда казалось, что и нет уже никакого бессмертного властителя – он рассыпался в прах за тысячи лет пребывания на Золотом Троне. Просто рассыпался, как ржавый старый механизм, и от лица Великого Защитника правят галактикой уже совсем другие люди...

- А теперь пойдём. Скорее, скорее!

Лео дернул брата за руку и спросил, хныча:

- Асси, это рогатичи? Рогатичи пришли?

Юноше понадобилось некоторое время, чтобы понять, о ком он говорит. Так мальчик называл приспешников Хаоса – Лео тоже был на площади, когда объявили войну, и увидев рогатый шлем темного космодесантника, решил, что все хаоситы носят такие же.

- Да, это они, - сказал он, выходя на крыльцо. Ветер обдал его волной новых, чуждых запахов. Он ощутил аромат железа, гари и чего-то еще, неприятного и угрожающего.

Воздух наполнился сухим треском очередей, ритмичным грохотом автопушек, артиллерии и воплями бьющихся насмерть людей. Впереди, за домами, разгоралось алое зарево; в небо свечами тянулись столбы черного дыма.

- Да хранит нас Император, - выдохнул Ассир и вышел из дома. Вслед за ним последовала мать, (очень странно выглядящая с оружием на хрупких плечах), Лео, и, как ни странно, Глор. Обычно войны не слишком привязываются к людям, но в этот раз они, похоже, имели дело с исключением из общего правила.

Хотелось закрыть глаза, крепко зажмуриться, а затем, резко отомкнув их, снова оказаться в светлом и знакомом мире, где прекрасные девушки поют не менее прекрасные песни, где небо пусть и стального, но не красного, кровавого цвета и где стрекочут цикады, а не скорострельные стабберы, сеющие боль и смерть.

Но это, увы, было не возможно.

Ассир вздохнул, и оглянувшись на своих спутников, зашагал прочь от дома, от своего прошлого, от того сияющего места, где родился и вырос. Детство кончилось, понял он. Ушло, растворившись в горниле войны, и никто не услышал его предсмертного стога.

Ну что ж, вперед.

Ассир крепко сжал рукоять автомата и зашагал вместе со своей семьей к лесу, в пугающую, но чем-то завораживающую неизвестность.

Эпилог.

- Мой лорд, - подобострастно прохрипело изуродованное варпом существо, бывшее некогда человеком. Теперь же по бледной болезненной коже залегали глубокие морщины, из отвратительных наростов на шее торчали стальные шипы, а в блеклых запавших глазах, чуть светившихся в полумраке корабля расплавленным серебром, не осталось ни капли жизни, ни капли света, ни капли надежды или каких-то устремлений. Во лбу мутанта мерцала вросшая в плоть звезда хаоса.

Кранон по-прежнему смотрел в круглый иллюминатор, за которым проплывала изменчивая бесконечность Имматиума. Бесконечность... Смесь времен и эпох, отзвуки давно отзвучавших битв или сладкая вибрация еще только грядущих сражений. Крик первого родившегося человека и предсмертный стон последнего из людей. Варп дарил необыкновенную свободу. В нем было все – лишь руку протяни... Мириады миров ежесекундно рождались и гибли в этом удивительном месте. Хотя... Что такое секунда в Имматиуме? Это – вечность, заключенная в одной искре сияющего временного потока, и одновременно – ничто, даже не пылинка под ногами одного из древних богов, беспокойно ворочавшихся в варпе.

Кранон знал это. Он знал многое, и введома ему была даже дата собственной гибели. Но это не пугало древнего лорда Хаоса. Напротив, с утроенной яростью, без страха и сомнения он бросался на своих бесчисленных врагов, этих обманутых слуг полумертвого старика, разлагающегося на Золотом Троне уже не одну тысячу лет.

Он бился, как зверь, которым и стал за бесчисленные годы служения Великой Изменчивости, и никогда не боялся быть убитым. Ибо знал – его время еще не пришло... Это знание успокаивало, вселяло холодную уверенность в собственных силах и правильности выбранного пути.

Но порой, очень редко, раз в несколько тысяч лет, Кранон чувствовал себя... Обманутым? Заблудившимся? Смотря на свои руки, крепко закованные в демоническую силовую броню, он думал о том, что является лишь игрушкой в руках жестоких богов, бросающих его от одной кровавой битвы к другой. Как забытый сон, всплывали из глубин истерзанной памяти странные яркие картины, навевающие мысли о чем-то безнадежно и навеки утраченном. В эти моменты его посещал страх, который не наносил ему визиты даже во время апокалипсических битв вселенского масштаба. Битв, когда впереди по визжащей, корчащейся земле вышагивают огромные титаны, пронзающие облака своим механическим телом, а миллионы смертных существ, чьи крики сливаются в один полный ненависти и ужаса вопль, слышный даже в варпе, с яростью рвут друг друга на части цепными мечами, распыляют на атомы мельта-излучением и сжигают до тла из крупнокалиберных орудий. Нет, напротив, эти битвы были то единственное, что радовало давно уже нечеловеческое сердце Кранона. То единственное, что помогало забыть, забыть о могильном холодном шепоте бесчисленных голосов, звучащих в его голове и открывающих тайны, которые лорд уже не хотел слышать. Шепот невинных, погибших от рук лорда и его ордена Багровой Резни.

Да, он устал. Но его силовой меч, в котором таились души не одной сотни поверженных врагов, еще не раз отведаст вражеской крови.

- Господин, - снова обратилось к нему то нелепое существо, сверяясь с показаниями обросшего слизью дисплея. Провода, ведущие от него к стене, порой конвульсивно дергались, будто в агонии.

Кранон отвернулся от иллюминатора и тяжелым взглядом уставился на потревожившую его тварь. Существо опустило светящиеся глаза и, вздохнув, проговорило:

- Мы приближаемся к пункту назначения. Прикажите начинать приготовления к выходу из варпа?

Лорд улыбнулся под броней рогатого шлема, сросшегося с его плотью. Скоро он покажет этим людям, что значит ярость Кранона Неистового. В конце концов, еще при службе в ордена Багровых Сабель он был безжалостен и жесток. А теперь, под влиянием Хаоса, он стал идеальным воином. Дразниxt, конечно, справлялся хорошо... Недаром он был одним из лучших чемпионов Хаоса. Но Кранон уничтожит все на этой планете. Ее моря станут алыми от крови, а облака почернеют от дыма. Ведь он привел за собой целую армию.

Империиум не должен завладеть СШК. Получив доступ к этой базе данных, людские техножрецы смогут построить могучий флот, подобный тем, что создавались в периоды расцвета человечества, и тогда Абаддон Осквернитель проиграет в этой великой войне. Кранон не мог этого допустить...

- Начинайте, - рыкнул Лорд Хаоса, и раб что-то нажал на сенсорном дисплее.

За иллюминатором по-прежнему проносилась беспокойная вечность. Скоро, очень скоро решающая схватка. И его смерть...

Кранон видел это в причудливых переплетениях застывших ветров варпа. И это его... Радовало.